

Мила Дрим

Золотая орда. Восхождение

Мила Дрим

Золотая орда. Восхождение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45101868

ISBN 9785005047854

Аннотация

Я люблю своего мужа. Он моя мечта. Он мой прекрасный человек, он тот, за которым я как за каменной стеной. Но есть одно НО. Мой муж – Тимур, и весь город содрогается от его имени и тех дел, что творят его ребята из Золотой орды. Будет жестко, жестоко – ведь это путь к власти. Пристегнитесь, дышите глубоко – начинается восхождение...

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА ВТОРАЯ	15
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	24
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	34
ГЛАВА ПЯТАЯ	45
ГЛАВА ШЕСТАЯ	56
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	66
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	75
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	84
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Золотая орда. Восхождение

Мила Дрим

© Мила Дрим, 2019

ISBN 978-5-0050-4785-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Бмв помчал нас по трассе на бешеной скорости, следом, догнав нас спустя 5 минут, присоединился ниссан с братьями Тимура. Я прижалась к окну лицом, желая, страстно желая, чтобы его прохладная поверхность отвлекла меня от подкапывающего, свирепыми волнами, страха. Мои ладони – такие ледяные, лежали на коленях – и у меня даже не было сил, чтобы пошевелить ими.

Я пыталась представить, что ничего не случилось, что все это – лишь дурной сон, но стоило мне только бросить один-единственный взгляд на лицо Тимура – такое холодное, отмеченное печатью жестокости, как воспоминания ярким пятном закрутились у меня перед глазами. Мне так хотелось спрятаться – от всего мира, под одеялом и забыть, забыть – то, что уже никогда не забудешь!...

Раздался телефонный звонок – Тимур тут же ответил, его голос – убийственно-спокойный разломил тишину салона:

– Прекрасно, я лично займусь этим. Давай на повороте.

Спустя полминуты, бмв резко затормозил, а рядом – визжа колесами, остановился ниссан. Все произошло стремительно – Тимур, коснувшись моего левого плеча, обратился ко мне:

– Буду поздно, Рустем и Дамир позаботятся о тебе.

Я не успела что-то ответить, потому что по-прежнему бы-

ла в какой-то прострации, знаете, такое бывает странно-пьяное состояние после перенесенного сильнейшего стресса. Я лишь посмотрела на мужа и сдавленно сглотнула, увидев страшный, пугающий меня до дрожи, блеск его глаз. Затем хлопнула дверь, снова и снова – и на водительское место, одаривая меня невозмутимой улыбочкой, уселся Руستم. Позади моего кресла раздался голос Дамира:

– Ну что, Камилка, приготовишь нам хваленый яблочный пирог? Тимур сказал, что чуть не съел тогда его целиком, такой аппетитный он был.

Я промолчала. Наверное, в другой раз я бы обрадовалась тому, что мой муж хвастался моими скромными кулинарными способностями. Но не сегодня. Эти мужчины казались мне сумасшедшими. Хотя, почему же лишь они? Я – тоже. Покосившись в боковое зеркало, я заметила за рулем ниссана Тимура. Куда он собрался? Мстить? Я решила спросить об этом позже у братьев – когда мой отяжелевший язык вновь станет слушаться меня. А пока, все, что оставалось мне – упереться взглядом в мелькавшие за окном картинки. Поля, поселки, снова поля, и, наконец, величественный лес. Мой взор зацепился за маленькие, зеленые пятнашки на ветвях деревьев на фоне пронзительного, голубого неба – уже завтра они раскроются, и весь мир вновь преобразится – падая в объятия весны. Мне тоже нужны были объятия – Тимура. Но мой муж был сейчас занят, вероятно, не самыми добрыми делами.

Бмв заехал на территорию дома, и я, не дожидаясь никого из братьев, быстро открыла дверь машины и ринулась было вперед, однако, Дамир перехватил меня, удерживая за плечи. Рустем, уже покинув авто, пошел первым домой, окидывая все сканирующим взглядом. В его руке я успела заметить огнестрельное оружие. Боже мой, неужели и здесь нас мог кто-то поджидать?! Видимо, этот вопрос отразился на моем перекошенном лице, потому что Дамир, продолжая деликатно держать меня, приглушенно сказал:

– Осторожность сейчас не будет лишней.

Я качнула головой, с напряжением глядя вперед – мне казалось, что сейчас снова раздадутся выстрелы. Это становилось похожим на паранойю. К счастью, вернувшийся Рустем был цел и невредим, и мы смогли зайти домой. Стоило мне только оказаться внутри, я, совершенно не помня о правилах гостеприимства, побежала в ванную комнату, запирая дверь и тут же включая очень теплую, почти горячую, воду. Мне так хотелось согреться! Смыть с себя этот липкий страх, этот странный запах, который, казалось, был везде на мне – на моих волосах, на коже, даже на кончиках пальцев и ресниц.

Как только ванна набралась наполовину, я, быстро сняв с себя одежду, плюхнулась в воду, едва не вскрикнув от того, какой горячеватой она показалась мне. Я стиснула зубы, заставляя себя привыкнуть к ней, затем, наконец, мое тело начало расслабляться и согреваться. Стоило только мне при-

крыть глаза, как снова в моем сознании вспыли кровавые картинки – мелькая, как в жутком калейдоскопе. Я вымученно выдохнула, на секунды погружаясь под воду с головой. Затем, спешно намылившись гелем для душа, тем самым, Тимура, я, завернувшись в широкий, махровый халат идеально белого цвета (какая ирония, для сегодняшнего кроваво-красного дня) торопливо прошла в спальню. Я не стала прислушиваться и смотреть по сторонам, чтобы понять, где Рустем и Дамир. Мне не хотелось сейчас видеть кого-либо, кроме моего мужа.

Усталая, разбитая, я, заперев двери в спальню, рухнула, как была – с мокрой головой, в халате – на такую большую, пустую, без Тимура, кровать. Как бы я хотела сейчас заснуть! Но нервное возбуждение, страх, дурные мысли, крепко вцепились, действуя со всех сторон – на мой разум, сердце и душу. Это было такое истощающее состояние, что я, не выдержав, поднялась на ноги, намереваясь, все же, выйти к братьям. Быть может, хотя бы в их обществе мне не будет так страшно. Переодевшись в домашние брюки и, для ощущения собственной безопасности, надев спортивную, серого цвета, кофту Тимура (я обожала носить его вещи), я вышла из спальни.

Мне не пришлось искать долго Дамира и Рустема – они, гремя бокалами, орудовали на кухне. Что-то, вроде чувства вины, кольнуло мое сердце, когда я увидела их, сидящими за столом и попивающим пустой чай. Я нерешительно засты-

ла на пороге, взирая на братьев. Да, они были бандитами, но сегодня они спасли жизнь мне и Тимуру.

– Всем привет, – стараясь говорить бодро, произнесла я, подходя к холодильнику и доставая оттуда яйца, – пирог, готовы, хочется? Попробую порадовать вас.

Я тепло улыбнулась им и, о, Боже – лицо вечно хмурого Рустема осветила «милая» улыбка-оскал. Дамир же поддержал меня, широко улыбаясь и говоря:

– Ох, Камилка, готовь сразу парочку, один я точно сожру, а этот, – он кивнул в сторону Рустема, – поди, и два проглотит и не наестся, так что минимум три надо.

Я качнула головой, и принялась за приготовление шарлотки, ощущая на себе внимательные взгляды. Я старалась не обращать внимания на это, всецело погрузившись в процесс готовки. И шумящий миксер неплохо помогал мне этом. Хоть на пару минут «отключу мозги». Когда я закончила замешивать тесто и стала разливать его на противень, то услышала вопрос, произнесенный Дамиром:

– Ты что, любишь таскать мужские вещи?

Я, на миг, замерла. Губы непроизвольно дрогнули от улыбки. Повернувшись к братьям лицом, я заметила их смеющиеся глаза. Я, не сдержавшись, мягко улыбнулась, отвечая искренне, от сердца-души:

– Я люблю Тимура, и все, что с ним связано.

Я тут же нахмурилась, понимая, что нет, не все. Словно услышав меня, Рустем с ухмылкой произнес:

– Вряд ли ты полюбишь то, чем он сейчас занимается в лесу. А вот то, что ты любишь его самого – это дело хорошее, даже дикому зверю ведь нужна ласка.

Я сжала столешницу так сильно, что мои пальцы заныли от напряжения и боли. Наверное, мне стоило пропустить это мимо ушей, но я не смогла. Глубоко вздохнув, я небрежно спросила, глядя с невинным выражением на братьев:

– А чем он сейчас занимается в лесу?

Дамир и Рустем, с ухмылкой, переглянулись. Они молчали, видимо, размышляя, стоит ли мне знать. Но я хотела знать, где мой муж. Хоть и догадывалась, что могу пожалеть об этом.

– Так чем? – повторила я, не сводя с братьев внимательного взора.

– Он проводит «душевную» беседу с одним из выживших убийц, – деликатно произнес Дамир.

– Беседу? – я чуть нахмурилась, не веря, что такое возможно.

– Ага, беседа с ножами и «нежными» прикосновениями, – ухмыляясь, сказал Рустем, вертя в смуглых пальцах бокал.

– Ооочень нежными, – сверкнув глазами, добавил Дамир. Мой язык прилип к небу, а рот наполнился вкусом металла. Я шумно сглотнула и спросила, не сводя глаз с братьев. Страшная догадка уже постучалась в мой мозг.

– Он... – начала я, но умолкла, не в силах озвучить это.

– Он пытается, чтобы узнать информацию, – будничным то-

ном сообщил Дамир.

– А если не узнает? – сорвалось с моих губ, которые, вмиг, пересохли.

– Тимуру еще никто не посмел отказать в допросе, – широко, гордо улыбаясь, заявил Рустем, и мой желудок скрутило от новых, страшных картинок, которые мне щедро нарисовало мое воображение.

Я отошла к окну, наблюдая за небом – по нему летела стайка птичек. Вот птички живут себе – беспечно, легко, быстро. Съесть мошек, порезвиться, повеселиться, зиму пережить – вот и вся их жизнь. А есть, ведь, и другие птицы – соколы. Летают высоко, едят слабых, держат всех в страхе... совсем, как Тимур. Я прижалась лбом к прохладному стеклу, пытаюсь уравновесить свои мысли и чувства. Прямо сейчас, когда я готовлю пирог, мой муж пытается человека, орудуя над ним ножом.

Мои ноздри защекотало от аромата, наполнившего кухню: сладко-ванильного, такого уютного, спокойного. Мой маленький, иллюзорно-хрупкий мир. Через пару минут Дамир и Рустем уже уплетали за обе щеки пирог, а я снова замешивала тесто. Мои руки слегка дрожали, когда я нарезала сочные, зеленые яблоки – потому что в этот момент я видела не свои руки, а руки мужа – в чужой крови. Я, опасаясь, что порежусь, кинула нож в раковину и, смешав яблоки с тестом, отправила пирог готовиться.

– Садись, Камилка, – Рустем выдвинул мне стул, и я, по-

благодарив брата Тимура, совсем не изящно, села. Все еще дрожащими пальцами, я подхватила теплый, мягкий кусочек шарлотки и начала медленно есть. Я – ела, а мужчины рядом – в своей привычной манере, жрали. Быстро, не всегда аккуратно, зато с аппетитом – которого у меня почти не осталось. Не из-за них, а по причине переживаний. И лишь ноющий желудок напоминал мне, что нужно есть. Я, совсем не ощущая сладости и сочности выпечки, прожевала кусочек, не переставая анализировать услышанное. Извинившись, я оставила Дамира и Рустема на кухне, а сама пошла в зал, чтобы посмотреть телевизор. Надо ли вам говорить, что, в очередной раз, мое внимание прилипло к нашим местным новостям?

Миловидная голубоглазая блондинка равнодушным голосом сообщала:

– Воскресное утро не было добрым для жильцов многоэтажки, расположенной по улице Севастопольская – наемные убийцы, переодетые в одежду спецподразделения милиции, заранее предупредив жильцов дома, что готовится спецоперация, атаковали квартиру на последнем этаже – с двух сторон – с двери и, используя альпинистское снаряжение, с окон. Несмотря на агрессивные действия, нападавшим не удалось достичь своей цели – в ответ на их действия был открыт огонь на поражение, вследствие которого четверо было убито, еще двое скрылись с места преступления. Во дворе дома обнаружен пистолет, оброненный одним из преступ-

ников. По счастливой случайности, милиционеры нашли его прежде, чем дети, игравшие неподалеку. Следствием ведется расследование, опрашиваются свидетели.

Я спрятала лицо в ладонях – не в силах больше смотреть на эту очаровательную блондинку, повествующую о моем утре. Затем, звук ее равнодушного голоса сменился веселой песенкой – я посмотрела на экран телевизора: там шел диснеевский мультик. Оглянувшись, я увидела усмехающегося Рустема с пультом в руках. Когда он успел забрать его?

– Не стоит портить себе настроение, – произнес Рустем, усаживаясь прямо на пол, перед телевизором, спиной ко мне.

Наверное, это была забота с его стороны, поэтому я промолчала, и, от нечего делать, уставилась в экран, наблюдая за приключением олененка Бэмби. Это было ужасно, потому что, действия этой сказки происходили в лесу, а я, не в состоянии остановить это, проводила параллель с тем, другим лесом, где был Тимур. Даже невинный, добрый мультик превратился для меня в кошмар. Интересно, моя психика когда-нибудь стабилизируется? Я не знала ответа на этот вопрос.

Два часа я тупо пялилась в телевизор, ожидая услышать хоть какие-то новости о Тимуре от братьев. Но их не было – Дамир и Рустем четырежды сменили друг друга, обмениваясь молчаливыми взглядами. Что это значило? Мне хотелось хорошенько расспросить их о своем муже, но, судя по их лицам, они вряд ли что-либо мне рассказали. Наконец, утомив-

шись, я прошлепала до спальни. Я подняла брошенную мной сумочку и проверила сотовый телефон – ни одного пропущенного вызова или непрочитанной смс. Сердце дрогнуло от ощутимого одиночества. Но что я хотела? Чтобы мой муж среди разборок нашел время написать мне? Я горько усмехнулась, понимая, что это невозможно.

Я улеглась на кровать, игнорируя, что время – 17 часов. Желая забыться, я погрузилась в беспокойный, мрачный сон. Странные тени преследовали меня, а я, словно в горячке, металась по кровати, не в силах проснуться. Я мучилась до тех пор, пока мужские руки не схватили меня за плечи...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Мужские руки властно удержали меня от попытки перевернуться на бок. Темная тень, нависая надо мной, наклонилась, пугая и одновременно волнуя мою душу. Я чувствовала, что это – Тимур, но так же, я ощущала что-то другое, неизвестное мне, чужое. Чтобы отогнать от себя страх, я позвала мужа, и мой голос прозвучал сдавленно:

– Тимур?

Он не ответил. Лишь потянул кофту, что была на мне, снимая ее одним рывком и полуобнажая меня. Я едва не вскрикнула, и только осознание, что передо мной стоит мой муж, не позволило мне этого сделать. Меж тем, теплые руки Тимура, не медлили – окончательно раздев меня, он снял с себя одежду, швыряя ее куда-то на пол. Я даже не успела что-либо еще сказать, как Тимур, навалившись на меня, впился жесткими губами в мой рот. Я застонала – приглушенно, удерживая себя – мне стало больно от такого напора. Но, казалось, Тимур совсем не слышал меня. Как одержимый, он начал скользить своими шершавыми ладонями по моему телу, которое, удивляя меня, благосклонно отреагировало на такую странную ласку.

Тимур поцеловал мою шею, а затем вновь завладел моим ртом, но в этот раз, делая это чуть мягче. Я обняла его и начала нежно гладить по спине – тут же ощущая, как ту-

гие мышцы под бархатной кожей начали реагировать на мои прикосновения – напрягаясь и расслабляясь. Я ощущала под подушечками своих пальцев старые шрамы мужа – плотные, короткие и длинные линии. Сердце содрогалось, теряясь в догадках, каким образом он получил их. Я провела носом по запястью мужа, ощущая странную смесь запаха – его, личный аромат, запах старой травы, влажной земли и меди, или железа. Волна страха прошла по моему телу. Именно так пахла кровь... Я затрепетала, осознав это, затрепетала, подобной пойманной птице, внезапно осознавшей опасность, желавшей выбраться, но руки Тимура – властные, сильные, не отпускали меня. То, как он обнимал меня... было в этом не только желание обладать, желание завладеть телом и удовлетворить собственный физический голод. В этих объятиях было нечто большее – Тимур словно нуждался в том, что я оставалась с ним. И я не смогла отказать ему – я лишь крепче сжала: свои объятия и веки, отдаваясь мужу.

Я проснулась на рассвете – спальня была укутана полутьмой, но уже не такой плотной, как прошедшей ночью. Привыкнув к ней, я окинула комнату долгим, внимательным взглядом. Затем, покосилась налево – на небольшом расстоянии от меня, абсолютно обнаженный, лежа на животе, спал Тимур. Его лицо было отвернуто от меня, и я не могла видеть его выражения, чтобы понять. Но что я хотела понять, что желала увидеть? Изменения, или же, наоборот, что Тимур по-прежнему тот же человек, что целовал меня еще про-

шлым вечером, до нападения на квартиру?

Я медленно поднялась с кровати, тут же, поморщившись от боли внизу живота. Видимо, критические дни были не за горами. Их предвестниками всегда была такая противная боль. Я не знала – радоваться или же огорчаться тому, что я не беременна. Что ж, значит так надо. Пока я накидывала на себя белый халат, то не сводила глаз с мужа – он спал так крепко, что я забеспокоилась. Подойдя поближе, я наклонилась к Тимуру и прислушалась к его равномерному дыханию – он дышал, значит, все хорошо.

Стараясь не шуметь, я тихо покинула спальню, напрямиком направившись в ванную. Проходя мимо зала, я заметила дремавшего на диване Рустема. Он, услышав мои такие осторожные шаги, резко открыл глаза. Его взгляд – первые секунды – был не из добрых, затем, признав меня, Рустем качнул головой, прикрывая веки. Я спешно спряталась в ванной комнате. Не успела я полноценно принять душ – лишь намочившись, в дверь забарабанили – громко, настойчиво. Лейка вылетела из моих пальцев и разбрызгала по полу воду, оставляя на нем лужицы. Я спешно выключила воду и сдавленно крикнула:

– Кто?

Это лишь потом я поняла, что вопрос прозвучал по-глупому: ну, кто еще, кроме моего мужа, вот так, посмеет долбиться ко мне в ванную комнату? Но я была слишком напугана, чтобы мыслить разумно. Голос за дверью – властный,

не терпящий промедления, ответил:

– Я.

Я, обмотавшись полотенцем, аккуратно вылезла из ванны и медленно, дрожащими пальцами отодвинула задвижку замка. Дверь открылась под сильной рукой Тимура – и через секунду я встретила с мужем взглядом. У меня перехватило дыхания от его магнетических, таких подавляющих волю, глаз. Мой взор скользнул вниз – на Тимуре были лишь спортивные штаны. Он решительно шагнул в ванную комнату, и все, что мне оставалось – попятиться назад. Я, совершенно забыв, что секундами раньше мне удалось залить пол, поплатилась за это – поскользнувшись, я стала опрокидываться назад, но, слава Богу, Тимур успел среагировать – он удержал меня от падения своими сильными, такими любимыми мной, руками.

– Спасибо, – выдавила я из себя, отчего-то смущенная уединением со своим мужем в ванной комнате. Может, потому что неподалеку, в отличие от спальни, находился зал, в котором был Рустем? Или же, по причине того, что в ванной комнате было достаточно светло, и мне было не по себе, после странной, ночной близости? Я напряглась, отслеживая свои чувства, неужели я боюсь Тимура? Я спешно опустила глаза вниз, опасаясь, что он прочитает страх в них.

– Эй, – муж прервал мои размышления, окидывая меня уже просто внимательным взглядом. Мне пришлось посмотреть на него. Каре-зеленые глаза чуть сощурились.

– Я сделал тебе больно этой ночью? – произнес Тимур, и я услышала в его голосе тревогу.

– Нет, нет, – я отрицательно замотала головой. Глаза обожгли слезы. Муж поймал мое лицо, обхватив своими шершавыми ладонями, и заглянул мне в глаза, произнеся:

– Не лги мне.

Я затрепетала и ответила тихим голосом:

– Я просто напугалась... Ты не сделал мне больно, но ты был очень... – я шумно вздохнула, подбирая подходящее слово, – быстрым.

Губы Тимура изогнулись в самодовольной улыбке, а затем, раздался его вкрадчивый шепот у меня над ухом:

– Ты не получила удовольствие? Сейчас я это исправлю.

Он припал к моей шее, там, где бился пульс, своими обжигающими губами. Я со вздохом прикрыла глаза, обнимая Тимура, однако боль в животе, вновь напомнив о себе, вынудила меня произнести:

– Не сейчас, Тимур. Я неважно себя чувствую.

Он чуть отстранился от меня, сканирующим взглядом проходя по моему лицу, которое наверняка уже побледнело.

– Причина этой боли – я? – поинтересовался Тимур. Он чуть нахмурился, ожидая ответа.

Я была тронута его заботой и смущена. Уткнувшись носом в его колючую щеку, пахнущую горько-сладким ароматом, я тихо ответила:

– Я переживала за тебя, это так, моя душа страдала.

Но сейчас, ты рядом – и мне легче. А болит из-за женской причины.

– Отвезти тебя к врачу? – теплые пальцы Тимура погладили мои обнаженные лопатки.

– Нет, не нужно, спасибо. Такое случается со мной каждый месяц, просто в этот раз боль сильнее. В аптеку вот было бы неплохо доехать.

– Ок, – Тимур накинул на мои плечи халат – бережно так, что мое сердце тут же ощутило прилив нежности. – Идем.

Мы вышли вместе из ванной и муж, поражая и раня своей заботой, проводил меня до спальни.

– Ляг, отдохни, – Тимур поправил подушки, и я медленно села на край кровати. Живот в очередной раз схватило спазмом, и я стиснула зубы, чтобы не застонать. Мой муж, целомудренно коснувшись губами моего виска, вышел из спальни. Я же, устроившись максимально удобно, просто лежала, ожидая, когда боль отпустит меня. Жаль, что я ничего не прихватила из прежнего дома – парочка таблеток но-шпа сейчас была бы кстати. А лучше – ибупрофен. Я перевернулась на живот, уткнувшись носом в простыни. Боль стала медленно, но стихать, и я даже успела немного подремать, но была разбужена появлением Тимура – он присел рядом со мной, протягивая мне бокал со словами:

– Попей. Сладкий чай.

Я медленно села – забота Тимура окутывала меня с головы до ног, делая такой уязвимой для него и такой защищенный

от других. Муж, молча, наблюдал за тем, как я пью чай. Он показался мне таким вкусным, ароматным, и я знала причину – потому что Тимур сделал это для меня. Для меня. Как только чай был выпит, муж произнес:

– Уже около 7 утра, если аптеки не откроются к нашему приезду, по-любому, круглосуточная работать должна. Собирайся, джаным.

Уже спустя 20 минут мы все – на 2 машинах, в сопровождении братьев, выехали в сторону города. Когда мы проезжали блокпост, то я успела заметить, что его охраняли уже не 2, а 4 вооруженных мужчин. Помимо этого, на трассе к нам присоединилась еще одна машина, заключая бмв в середину. Я поняла – после случившегося, это необходимые меры.

Город встретил нас шумными пробками, смогом, витающим над домами и видимым еще на подъезде к нему, и пасмурным, серо-белым небом. Солнышко было спрятано за ним, и создавалось впечатление, что сейчас не утро, а сумерки. Наконец, миновав мост, машины свернули направо, останавливаясь возле круглосуточной аптеки. Я потянулась к ручке двери, намереваясь выйти и самостоятельно пойти в аптеку (ну не Тимур же пойдет за прокладками, в конце концов?!), но очередной спазм в животе заставил меня закусить нижнюю губу от боли. Мой муж заметил это, и, взяв меня за дрожащую, прохладную ладонь, окинул меня спокойным взглядом.

– Да куплю я тебе эти патроны, кхм, тампоны, сиди, – про-

изнес Тимур с абсолютно невозмутимым выражением на лице. Я потрясенно посмотрела на мужа, не веря своим ушам – разве такое возможно? Он – криминальный авторитет, бандит, человек власти, собирается зайти в аптеку и купить мне средства гигиены? Мой рот непроизвольно приоткрылся – настолько я была изумлена. Теплые пальцы Тимура коснулись моего подбородка, подталкивая его наверх и закрывая мне рот.

– Жди, – муж сжал мои пальчики, передавая с этим свою ласку. Я качнула головой, наблюдая за Тимуром. Мой муж. Волна восхищения окутала меня – и мой мир перевернулся, открывая для меня новую сторону Тимура. Я не сводила глаз с него, пока он шел в аптеку, сопровождаемый двумя своими людьми. Мне, вдруг, стало так весело – я представила выражение лица фармацевта, когда ее глазам предстанут эти brutальные мужчины – такие пугающие, и самый страшный из них озвучивает такой, чисто «мужской» заказ. Смущение и какая-то безумная радость захлестнули меня. Я хихикнула. Мой первый смех за эти дни. И с ним стало выходить и мое напряжение.

Тимур вернулся быстро – мягкой, чуть пружинящей походкой он дошел до бмв, и, задержавшись у двери, сел на свое водительское сидение. Я посмотрела прямо на него, пытаясь отыскать какое-то недовольство, признаки стыда, неудобства, в конце концов. Но нет – ничего, кроме спокойствия и уверенности я не нашла.

– Держи, – Тимур протянул мне пакетик, и я спешно засунула его в сумку, приглушенно-смущенно отвечая:

– Спасибо, Тимур.

Не дожидаясь ответа, потянулась вперед и припала губами к колючей щеке мужа. Полная нежности и благодарности, я так хотела, чтобы он почувствовал это. Тимур улыбнулся – я почувствовала это под своими губами, а затем, раздался его голос, такой холодный, в котором звучал приказ:

– Без паники.

Я, как в замедленной съемке, повернула голову в сторону лобового окна. Мое горло тут же сдавило от страха: наши машины начали оцеплять бойцы ОМОНа...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Мне хотелось думать, что Тимур и в этот раз решит вопрос, но, увы, я ошиблась. Через минуту, к машине, со стороны мужа, подошли два милиционера. Высокие такие, уверенные. Представившись и показав свои корочки, они настойчиво «попросили», чтобы мы, в том числе и я, вышли из машины.

– Давай, джаным, – чуть усмехаясь, бросил мне Тимур, прежде чем выйти из бмв. Я не успела выбраться наружу, как мой взгляд зацепился за ужасную картину – Тимура зажали у бмв, затем он, мой гордый муж, наклонил голову к капоту машины. Двое омовцев обыскивали Тимура, и, кажется, их поиски увенчались успехом.

В тот момент, когда я, на трясущихся ногах, наконец-то вышла из авто, моим глазам предстала более полная картина: возле других машин так же, окруженные ОМОНОм, стояли братья, широко расставив ноги, подобно опасным преступникам. Впрочем, что кривить душой, они и были ими. Я замерла на месте, не зная, что мне делать. Все происходящее казалось мне фильмом, в котором я играю главную роль. Я опасалась, что бойцы ОМОНа тоже начнут осматривать меня. Но вместо этого ко мне подошла спортивно-го телосложения женщина-милиционер. Ее гладкие, черные волосы, постриженные под каре, немного смягчали ее суро-

вый образ. Скользя по мне безразличным взором холодных, серых глаз, она произнесла:

– Ну, давай, показывай, что там у тебя в сумочке и под курткой, а то у твоих спутников целый арсенал оружия.

Я протянула ей сумку и расстегнула замок куртки, позволив женщине осмотреть меня. Ее движения были хоть и быстрыми, но оставляли царапины на моей душе, напоминая мне, что я – почти преступница. Чтобы не расплакаться, я не сводила глаз с затылка Тимура. Но, Боже, как мне было больно, непривычно, видеть его с опущенной вниз головой!

– Все чисто, – громко сказала брюнетка. – Игорь Александрович! Можно грузить.

Что?! Грузить?! Кого, куда?

Ответ не заставил себя ждать – к ниссану подъехал два милицейских уазика «буханки», двери которых «гостеприимно» открылись. Омоновцы повели туда братьев, следом пошел и Тимур, правда, он шел, ощутимо, неспешно, и я знала – муж делал это для меня, чтобы сократить между нами расстояние. Сейчас я молилась лишь об одном – чтобы мы оказались вместе, пусть и в милицейской машине. Лишь бы вместе.

Погруженная в собственные чувства, я даже не заметила, как оказалась внутри «буханки». Лишь громко хлопнувшие двери пробудили меня. Я огляделась, понимая, что нахожусь зажатой – между Ильнуром и Тимуром. Помимо них, внутри были Рустем и Наиль. Машина начала резко двигаться,

и у меня, на миг, все поплыло перед глазами. Я инстинктивно вцепилась в руку мужа, и он, не заставляя меня ждать, покровительственно обнял за поддрагивающие плечи. Сквозь гул я слышала слова, что зашептал Тимур мне на ухо:

– Никого и ничего не бойся. После тебя должны отпустить – поедешь домой, к маме, я заберу тебя, как только смогу.

Я закивала головой, борясь с тошнотворным страхом. Уткнувшись носом в шею Тимура, я, сдерживая слезы, прикрыла глаза. Я дышала – глубоко и часто, впитывая в себя аромат мужа. Я не могла им надышаться – так желанен он был, так нужен, словно воздух. Я позволила себе представить, что все случившееся – лишь дурной сон. Так мне было легче. Глупо, наивно, но это было так.

Будь на то моя воля, я согласилась бы ехать – часами, только не расставаться с Тимуром, но, совсем скоро, машина, резко затормозив, остановилась. Послышались приближающиеся шаги, и двери с противным, режущим ухо, гулом, открылись. Мы выбрались наружу – я, естественно, не без помощи руки Тимура – он, поддерживая меня, невзирая на недовольные лица встречающих нас милиционеров, вновь проявил обо мне заботу, отчего мое сердце еще больше – один вздох, и я ощутила это – полюбило его.

– Проходим в отделение, – раздался сухой мужской голос.

Я шла, с волнением озираясь по сторонам – старые стены, неровный пол, местами, протекающий потолок... много

дверей – с разными табличками, которые я не успевала прочесть. Боль снова напомнила мне о себе, и я шумно сглотнула. Шедший справа Тимур покосился на меня и подмигнул мне. Я слабо улыбнулась в ответ. Наконец, нас – 10 человек – завели в просторное, серое помещение, рядом с которым находилась еще одна дверь – туда, по очереди, начали вызывать всех. Первым пошел Дамир.

– Тимур, – прошептала я, прижимаясь щекой к его крепкому, сильному плечу. Не сводившие с нас глаз милиционеры ухмыльнулись. Я тут же ощутила, как напряглась рука мужа.

– Спокойно, – приглушенно произнес Тимур – и я не могла понять, кого он успокаивал: меня или себя.

Меж тем, мы продолжали быть объектом внимания. Та самая брюнетка – милиционер, с фотоаппаратом в руках, подошла к нам, начиная делать наши снимки.

– Всего лишь «фото на память», – шепнул мне Тимур, видимо, заметив, мое испуганное выражение лица.

Меня раздирало на части, когда пришел мой черед фотографироваться. В этот момент я ощущала себя уже настоящей, прожженной преступницей, которой «заказан» путь за решетку. Моя впечатлительная натура уже успела нарисовать яркие картины ближайшего будущего. Суд, тюрьма... Совсем не того, о котором я мечтала. Шли минуты. Братья заходили-выходили из соседнего кабинета. Наконец, когда вернулся Ильнур, до моего слуха донеслось:

– Так. Теперь девушка. Иванова Камила, пройди в кабинет.

Стоящий рядом со мной Тимур дернулся вперед, и я заметила, что он усилием воли приказал себе остановиться.

– Я тебе сейчас яйца оторву, – зло процедил мой муж, и все его лицо превратилось в лицо хищника, готового убивать, – это – моя жена.

Видимо, слов мужа в этот момент было достаточно, потому что милиционер подошел ко мне сам. И хотя его вид не вызывал в моей душе радости, я не боялась его, потому что была не одна.

– Еще раз покажите документы, удостоверяющие личность, – произнес он, целенаправленно избегая того, чтобы смотреть на Тимура. Я, порывшись в сумочке, протянула паспорт. Служитель правопорядка начал медленно листать его, озвучивая монотонным голосом:

– Иванова Камила, 18 лет... – он, подобно рыбе, уставился на меня, его круглые глаза странно поблескивали, – такая молодая.

Я молчала, опасаясь, что любое мое слово приведет к конфликту, который навредит Тимуру. Даже не глядя на него, я ощущала его злость. Меж тем, милиционер продолжил:

– Хм, да какая она вам жена? Тут даже печати с загса нет. Так, – тонкие губы мужчины растянulись в противной улыбке, – подружка на одну ночь.

– Ты, – зловеще начал Тимур, сверля милиционера тем-

ными глазами, и я поняла, что все может закончиться плохо прямо сейчас. Я повернулась к Тимуру, прижимаясь, на миг, к нему, и шепча:

– Неважно, что он говорит. Мы с тобой знаем, кто мы друг для друга.

Я ощутила прерывистое дыхание мужа у себя на лице, затем повернулась к служителю правопорядка, к которому уже присоединился еще одним милиционер – высокий, статный, с пронзительно синими глазами. Он окинул меня задумчивым взглядом, затем произнес:

– Девушку отпустить, она не причем. И этих всех, кроме Фахретдинова, отпустить – стволы чистые, зарегистрированные. А вы, Тимур Исмаилович, прошу за мной. Вам придется задержаться.

Я, ошарашенная, смотрела то на мужа, то на милиционеров. Казалось, время остановилось для меня, становясь таким ощутимым – тяжелым, давящим. Нас всех отпустили, а вот Тимура – нет. Как же так?! Я не хотела оставлять его.

– Иди, – раздалось у моего левого уха. Я расслышала в этом слове приказ.

Мои ноги еле слушались меня, когда я сделала первый шаг. Боль в животе, в очередной раз, накрыв меня волной и соединяясь с головной болью, вызванной сильным потрясением, сделала меня такой слабой, что я, приблизившись к двери, поняла, что сейчас просто упаду. Я обернулась, ища поддержки – мои глаза примагнитились к Тимуру, которого

уже заводили в ту комнату. Он окинул меня обеспокоенный взором. Боже мой, я не хотела быть слабой, особенно сейчас, но, мое тело просто перестало слушаться меня, и я в последней попытке, чтобы не упасть, вцепилась в дверь. В этот миг, чьи-то руки – сильные, натренированные, подхватили меня, и я узнала в своем спасителе Ильнура. Прижавшись к его твердой груди щекой, я успела поймать взгляд, брошенный мне Тимуром – темный, мрачный...

– Ну, Камилка, тебе полегче? – Ильнур посмотрел на меня внимательным взглядом. Его лицо было так близко, что я смогла заметить золотистые пятнышки в его глазах. Только что ниссан остановился возле дома, в котором я раньше жила.

– Да, мне, правда, лучше, – слабым голосом отозвалась я, чуть хмурясь, – а кто пригнал ниссан к отделению? Он вроде там оставался...

– Ай, Камилка, нашла, о чем переживать, – Ильнур тепло улыбнулся, – свои пригнали, и с бмв все ок будет. Не беспокойся об этих мелочах.

– Да, ты прав, – я шумно вздохнула, вцепляясь в свою сумочку дрожащими пальцами, – самое главное, чтобы с Тимуром все было хорошо.

Я замолчала, потому что горечь растеклась у меня во рту.

– С ним все будет хорошо – поверь мне. Этим вопросом уже вплотную занимаются люди, – спокойным голосом сооб-

шил мне Ильнур.

– Я понимаю, и все же, – я спрятала лицо в ладонях, – мне страшно за него.

– Все будет якши! – мужчина ободряюще улыбнулся, и я подумала, как хорошо бы было иметь вот такого старшего брата – внимательного, заботливого. Я была благодарна Ильнуру за это, но я еще слишком хорошо помнила, что сделали руки моего мужа с ним. Я не собиралась вновь окунаться в это мутное непонимание, тем более, страстно опасалась, что еще может сделать Тимур.

– Спасибо, Ильнур. Пойду. Будут новости – сообщи мне, пожалуйста, – произнесла я и потянулась к двери. Пока я выбиралась из ниссана, Ильнур уже оказался рядом со мной.

– Провожу, – пояснил он и я, принимая это, кивнула головой. Он, конечно, не взял меня под руку, да я бы этого и не позволила – просто пошел рядом, окидывая все сканирующим взглядом. Его правая рука разместилась на бедре – видимо, там находился пистолет (когда он успел забрать ствол с отделения?).

Возле подъезда сидели соседки-бабушки. Иногда они были настоящими бабушками-Божий-одуванчик. Но нередко, например, сейчас, в них просыпалась другая сторона – соседки – сплетницы – змеюшки. Увидев, что я иду рядом с Ильнуром, они окинули меня осуждающим взглядом. Теперь им было о чем поговорить вечером. Не успела подъездная дверь закрыться за нами, как до меня донеслись обрывки

фраз: «нового хахаля себе нашла», «видать тоже бандит, вот проститутка – то». Наверное, я повзрослела, потому что их «добрые» слова совсем не задели меня – мне было все равно на них. Я знала, кто я.

Прежде, чем я успела подойти к квартире, Ильнур, деликатно подвинув меня в сторону, и окинул дверь внимательным взглядом. И только потом, забрав у меня ключи, сам открыл ее, заходя первым в квартиру. Я медленно, озираясь по сторонам, последовала за ним.

– Все чисто, – Ильнур вложил в мою слабую ладонь ключи и, чтобы я не выронила их, чуть сжал мои пальчики. – Дома сиди, жди мужа.

Он особо выделил слово «муж». С уважением что ли, или почтением.

– Так и сделаю, – я устало, вымученно улыбнулась. Ильнур качнул головой и ушел. Я тут же заперла дверь и поплелась, еле-еле, ощущая слабость и боль, в некогда принадлежащую мне комнату. Здесь было все по-прежнему: та же кровать, тот же старый шкаф, мама ничего не стала убирать и менять – и комната выглядела все еще моей. Визуально – да. А вот по ощущениям – она стала чужой, такой неуютной, что мне захотелось лезть на стену от тоски и отчаяния, что окутали меня, вцепляясь в мою кожу, залезая под нее, чтобы проникнуть глубже. Но мне некуда было идти. Я уселась на край кровати, размышляя, как быть.

Заглянув в сумочку, я проверила телефон – ничего – ни

смс, ни пропущенного звонка. Я понимала, что их и не должно было быть, но надеялась на чудо. Достав пакетик из аптеки, я извлекла оттуда пачку прокладок и тампонов (которыми раньше никогда еще, естественно, не пользовалась), но, помимо этого, я нашла и коробочку с ибупрофеном, и баночку с какими-то крутыми, зарубежными витаминами. Мое сердце дрогнуло. Я знала, что они были предназначены для меня. Любовь Тимура, такая немногословная, но – вся состоящая из поступков ради, и для меня, ощущалась и сейчас – явственно, ярко. Мои глаза защипало от нахлынувших чувств. С какой бы радостью я сейчас поцеловала и поблагодарила бы своего мужа за заботу...

Сделав все необходимые гигиенические дела, я выпила обезболивающее и улеглась на кровать. Маленькие часики, которые прежде служили мне будильником, показывали 12:00. Мама должна была вернуться с работы часа через 3. Я, уставившись в потолок, размышляла, что такого сказать ей, чтобы объяснить причину своего внезапного появления здесь. Но в мою голову, полную переживаний и неприятных впечатлений, не шла, ни одна умная мысль. Меня просто распирало от напряжения и все четче, с каждым днем, проявляющимся, осознанием, что в моей жизни не будет покоя. Старые запахи окутали меня, смешивая во мне прошлые и нынешние воспоминания. Наконец, незаметно для самой себя, я уснула...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Я проснулась от детского плача. Распахнув глаза, я, первые секунды, пыталась понять, где нахожусь. Наконец, до меня стало доходить, сознание стало успокаиваться, и я начала адекватно реагировать на происходящее. Так, плачет ребенок... У мамы дома. Я тихо, чтобы не напугать, вышла из комнаты, тут же сталкиваясь со старшей сестрой, Машей, ее сыном, и двумя молодыми женщинами – подругами сестры.

– О, Камила, а ты что здесь забыла? – удивившись моему появлению, спросила Маша, нахмутив свои светлые, с изломом, брови. Стас, ее сын, продолжал жалобно-устало плакать: видимо, ему нужно было поспать, потому что он, то и дело, тер маленькими кулачками, свои глазки.

– Да вот, решила маму навестить, – отозвалась я.

– Понятно. Мы тоже вот. Ну, хватит ныть, – простонала Маша, с тяжелым вздохом поднимая ребенка на руки, и неся его в мамину комнату, – утомил ты меня, Стасик, сил моих нет. Юль, Свет, на кухне идите, я скоро.

Подруги Маши – полноватая шатенка, и брюнетка в спортивной одежде, протиснувшись мимо, обдавая меня парами пива, зашли на кухню, гремя бутылками, что были в двух пакетах. Нехорошие догадки посетили мою голову.

– Маш, что случилось? – спросила я, зайдя в комнату.

Сестра как раз снимала с сына теплую кофточку, движения ее были раздраженными, почти грубыми.

– С Женькой поссорилась. Достал меня, все ему не так. А мне надоело дома сидеть! Вот, решила молодость вспомнить, с подругами закадычными встретиться. Имею, в конце концов, право расслабиться.

– С бутылкой пива? – сорвалось с моих губ. За этот почти невинный вопрос я получила уничтожающий взгляд Маши.

– А что такого? Раз в год можно, – холодно ответила сестра, укладывая Стасика на кровать. Малыш тут же захныкал, вертя русоволосой головкой. – Спи, давай!

– Да ничего такого, Маш, просто вспомнила твои дозачужные гулянки-пьянки, – заметила я.

Слова давались мне с колоссальным трудом, потому, что я не привыкла говорить сестре то, что ей не нравилось. Ведь все эти годы я была такой хорошей, удобной, терпеливой. Это она имела право в нашей семье показывать себя, говорить то, что думает – свою «правду». Но вот другую правду, с не своих уст, она ой как не любила. Ее пьянки, являясь, словно повторением пьянок отца, стоили немало нервов, в первую очередь, маме и лишь потом – мне. Затем, Маша вышла замуж, за Женю, и вроде как, успокоилась. Оказалось, лишь на время. Пару раз я слышала, как мама по телефону разговаривала с ней, повторяя «хватит пить». Тогда я не хотела придавать этому значение – не очень-то радостно знать, что твоя сестра сползает в тот же омут, что и отец.

– А что тебя так мои пьянки-то волнуют? – она зло сощурила свои зеленые глаза. – Хочу – пью, я взрослая женщина. А ты за собой лучше бы смотрела, спишь с каким-то отморозком, который оплачивает тебе красивую жизнь, а сегодня соседки тебя уже с другим видели. Чья бы корова мычала, а, Камила?!

Я, застигнутая врасплох, злобой сестры, не знала, что ей сказать. Я ощутила себя снова маленькой, безвольной девочкой. Ужасное, разрушающее состояние. Превозмогая себя, я произнесла:

– Я замужем – за достойным мужчиной.

Резко развернувшись, не позволяя сестре ответить, я стремительным шагом направилась в комнату. Устало опустившись на кровать, я пыталась успокоиться. Казалось бы, я приехала в родной дом, уютное место, где должна была ощущать себя относительно, но мирно. Но и здесь меня поджидало испытание в лице старшей сестры, и складывалось впечатление, что я стою на перекрестке, а мимо – проносятся стремительные машины, готовые вот-вот задавить меня.

Я просидела так, раздраженная весельем с кухни, около получаса. Наконец, когда часы показали 17:20 послышался звук открывающейся входной двери – и я поняла, что это мама вернулась с работы. Я, стараясь выглядеть спокойной, вышла встречать ее. Она как раз вешала свое весеннее пальто, цвета фуксии, на вешалку- плечики, когда я произнесла:

– Привет, мам.

Мама, не скрывая своего изумления, обернувшись, с улыбкой посмотрела на меня.

– Ой, Камила, ты здесь!

Она шагнула ко мне, заключая в теплые объятия. Я, прикрыв глаза на миг, глубоко вздохнула, вдыхая аромат ее легкого парфюма-дымки и лака для волос. Такие родные запахи.

– А где Тимур? – мама чуть разжала объятия, окидывая меня своим учительски-проницательным взглядом.

– Да в командировку поехал, а я вот уговорила его завезти меня к тебе, – не дрогнув, сообщила я. Очередная ложь для общего блага.

– Как хорошо, – мама глянула в сторону стоящей обуви гостей. – Так, а что, Маша приехала тоже? И не одна, да?

– Ага, с сыном и подругами, – я отошла в сторону, пропуская маму в ванную комнату. Включив воду, она с обеспокоенным выражением на лице, стала тщательно мыть руки.

– Ясно, с подругами, значит, – мама сняла с крючка розовое полотенце. – Сейчас посмотрим, что да как.

Я, может и поступила трусливо, но вернулась в свою комнату, не желая слушать разговор мамы с сестрой. Однако, даже за прикрытой дверью громкие голоса доносились до моих ушей – и снова, в который раз за сегодняшний день, я окунулась в детские воспоминания, которыми была не в состоянии управлять. Все было, как тогда – крики мамы, хлопанье дверьми, только голос отца сменился на равнодушный,

пропитанный алкоголем, голос моей старшей сестры. И, клянусь вам, я не знала, что страшнее – держать в руке береттту, или же, стоять вот так – не в силах убить монстров из прошлого.

Минут через 20 мама – уставшая, с покрасневшими глазами, заглянула в мою комнату со словами:

– Пойдем чай пить, эти две ушли, Маша в ванной закрылась, тошнит ее.

Я, хоть и не желала пить чай, но последовала на кухню. В нос тут же ударил противный, такой тошнотворный запах – смесь алкогольных паров, сигарет и какого-то смрада. Я спешно распахнула окно, впуская свежий, прохладный, но такой желанный, чистый воздух. Я задержалась близ окна, и мой взгляд зацепился за скрывающуюся за углом дома, машину, которая показалась мне знакомой – очень похожей на ниссан.

Но я не была в этом точно уверена, поэтому, отойдя от окна, начала разливать чай по чашечкам. Мама, делая вид, что ничего не произошло, нарезала свежий, пахнущий так аппетитно, батон. Она молчала, и я понимала, что внутри у нее, впрочем, как и у меня, сердце разрывается на части. Это был замкнутый круг со своими жертвами и палачом. Но я страстно, как и раньше, хотела выбраться из него. Только как? Как это сделать, при этом, не навредив маме? Только я подумала об этом, как она, сохраняя молчание, потянулась к валерьянке. Выпив ее, мама собралось было сесть за стол, но звонок

в дверь остановил ее.

– Кто там еще может быть? – выдохнула она, направляясь узнать ответ на свой вопрос.

Я вся напряглась, ожидая очередной угрозы. Это было ужасно, но в этот момент шальная мысль сообщила мне, что хорошо, по крайней мере, что Антон мертв – одним уродом меньше. Я поразилась собственным размышлениям – жестокость была несвойственна мне, и все же, я мыслила, как жестокий человек.

Послышался негромкий мужской голос, мама что-то радостно говорила, затем, в квартиру зашел статный, высокий мужчина в пальто. Я узнала его, и сердце мое сжалось от пронзительного вопроса – неужели пришел про мою душу?!

Меж тем, гость вместе с улыбающейся мамой подошел к кухне – я все еще стояла в дверном проеме, не зная, куда деться – да, впрочем, и смысла-то не было уходить. Меня уже заметили.

– Андрюш, – начала ласково мама, – как там по батьке-то тебя?

– Сергеевич, – отозвался синеглазый мужчина, окидывая меня задумчивым взглядом и пространство вокруг.

– Андрей Сергеевич, проходи, это моя дочка, Камила. Камила, это Антипов Андрей, мой ученик, – произнесла мама.

– Здравствуй, Камила, – произнес тот самый мужчина, из отделения, велевший отпустить меня этим утром.

– Здравствуйте, Андрей Сергеевич, – ощущая себя окруженной со всех сторон, отозвалась я.

– Садись, Антипов, чай пить, – мама подтолкнула его к табурету, и мужчина уселся на него.

Я оглянулась, думая, что делать.

– Я пойду к себе, – выдохнула я, чувствуя нарастающую тревогу.

– Иди. Ой, Камила у меня замуж вышла, а такой же стеснительной осталась, – тепло улыбнулась мама, вкладывая в вазочку печенья и ставя ее перед гостем.

Я уже пошла по коридору, как в маминой комнате раздался детски плач – Стас проснулся. Судя потому, что в ванной все еще была включена вода, Маша не особо торопилась к своему сыну или просто была не в состоянии. Я хотела бы успокоить его, но мама, опередив меня, побежала туда, на ходу бросая:

– Дочь, налей, пожалуйста, гостю чай, я быстро.

Наверное, мне стоило отказаться, но, проснувшаяся во мне хорошая девочка, прямоком, пошла на кухню. Стараясь не смотреть на Андрея, я долила в новенький электрический чайник (тот самый, подарок от меня и мужа) воды, и включила его. Я, ощущая на себе заинтересованный взгляд синеглазого мужчины, забрала со стола свою чашку и поставила ее в мойку. Чтобы не смотреть на гостя, я принялась мыть посуду, что стояла там. Ну, где же мама?! Ее «быстро» слишком затянулось. А я, находясь здесь с этим мужчиной,

который, хоть и был одет не в форму, но одним своим видом не давал мне забыть о случившемся, ощущала себя почти предательницей. Он сидел здесь, на кухне, а Тимур – за решеткой. Эта мысль обдала меня горячей волной, и чашечка, выскользнув из моих таких неумелых сейчас пальцев, упала на пол, разбиваясь на две ровные половинки.

Андрей подошел ко мне, поднимая с пола разбитую посуду, и аккуратно поставил ее на стол.

– Не беспокойся, Камила, Римма Ибрагимовна, не узнает о сегодняшнем задержании, – приглушенным голосом пообещал он мне. Андрей стоял рядом со мной – у правого плеча, и я, повернув в его сторону голову, прошептала:

– Зачем вы это делаете?

– Не знаю, – он мягко улыбнулся, и его глаза блеснули. Настоящие сапфиры. Красивые, но чужие. – Не хочу волновать свою первую учительницу – Римма Ибрагимовна всегда была добра ко мне. И я хотел бы быть таким и по отношению к ее красивой дочери.

Мои щеки защипало от румянца – я все еще не могла принять тот факт, что красива и привлекаю внимание разных мужчин. Вряд ли я привыкну к этому.

– Спасибо, Андрей Сергеевич, – ответила я, спешно отворачиваясь от него, а сама лихорадочно начала размышлять – кто стоит рядом со мной – друг, враг? Волк – в овечьей шкуре? Как себя вести, что говорить – чтобы не навредить Тимуру и себе? Ах, как жаль, что я не была слишком умна!

– Андрей. Пока – не за что, – он вернулся на место.

Чайник, закипев, выключился, и я налила его гостю. Поставив перед ним чашку, я с грустью в сердце отметила, что могла бы этим вечером делать чай для своего мужа, а в итоге – делаю для чужого мужчины. Я подошла к окну – чуть прикрыв его, я вглядывалась вдаль. Одиночество снова пришло ко мне, сжимая мое сердце сильными, холодными пальцами.

– Дом пасут, – негромко, но так, чтобы я услышала, сообщил Андрей, делая медленный глоток из чашки.

Я дернулась от его слов, но промолчала. А вот синеглазый мужчина продолжил:

– Мой совет – не покидай квартиру.

Я шумно сглотнула и посмотрела на Андрея – его синие глаза глядели прямо на меня – без осуждения, усмешки или злобы. Я качнула головой и, отойдя от окна, налила себе в стакан воды. Пока я пила, мужчина продолжал смотреть на меня. Где-то там, Стас продолжал хныкать, а вода в ванной комнате, литься, а это значило, что мне еще предстояло быть здесь. Держись, Камила, держись.

– Спасибо, – сдавленным голосом, наконец, ответила я.

Андрей посмотрел в сторону коридора, затем – снова на меня. Устав быть в центре внимания, я направилась к выходу из кухни. Однако, синеглазый мужчина, поднявшись с табурета, преградил мне путь. Боже мой, сразу же в груди все сжалось от страха – я опасалась насилия, липких рук

и собственной беспомощности.

– Ты что? – удивленно вскинул прямые брови Андрей. – Я не причиню тебе вреда.

– Тогда дай пройти, – зло процедила я. Моя хорошая девочка ушла, освобождая место злючке.

Гость подвинулся, но не сел на место. Я торопливо прошла мимо, продолжая ощущать на себе его задумчивый взгляд. В коридоре я столкнулась с мамой – она, неся на руках Стасика, шла на кухню.

– Давай я заберу Стаса? – предложила я маме. Та покачала головой:

– Не надо, он сейчас кушать будет.

Я, признаться, только и рада была этому ответу. Я была слишком взволнованна и одновременно опустошена, и, все, что желала сейчас – как и прежде, спрятаться под одеялом. Подальше от чужих глаз. Я забралась на кровать, ощущая очередной приступ боли – пора бы выпить еще ибупрофена, но я, ни за что хотела вновь выходить на кухню.

Мой мир сузился до размера этой маленькой, такой чужой комнаты. Обняв себя за колени, я с тоской смотрела в окно – там уже сгустились сумерки, обещая приближение тьмы. И вновь было темно у меня на душе – так темно и тоскливо, что хотелось рыдать. Сердце и душа рвались к Тимуру, к нему, лишь к нему. Как он там? Жив ли, цел? Когда вернется? Я сжала веки, и по моим щекам побежали горячие потоки слез.

Не имело значения, когда мой муж вернется. Я была полна решимости дождаться его.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Я просидела в одиночестве до позднего вечера – мама, заглянув ко мне на секундочку, сообщила, что ее ученик ушел. Из последних сил сдерживая свои физиологические потребности, я стремительным шагом ворвалась в ванную комнату. Маши здесь, к счастью, уже давно не было, зато остался ужасный запах после нее – смесь рвоты с алкоголем. Тот, кто хотя бы один раз унюхал такое, понимает, какое зловонье там стояло. Брезгливость окутала меня, и я ощутила тошнотворное состояние. Если бы здесь была поблизости прищепка, я бы без промедления нацепила ее на свой нос. Жаль, что я не могла выключить свое обоняние.

Мне пришлось заставить себя остаться здесь, чтобы заняться своей гигиеной. Я ужасно ощущала себя – в первые дни менструации, как и обычно, из меня выходило слишком много крови, что обессиливало меня. Наконец, спустя 15 минут я, изможденная, так нуждающаяся в заботе, медленно побрела в свою комнатку. Проходя мимо зала, я заметила развалившуюся на диване Машу – она, прямо в одежде, спала, издавая храп. Это было ужасное зрелище, соединяющее в себе два чувства – злость и бессилие что-либо сделать с этим. По опыту с папой я знала, пока человек сам не поймет, что творят его пьянки, пока он сам не примет решение отказаться от этого, бесполезно тащить его. Неблагодарное

это и крайне разрушающее тебя дело. И все же, часть меня, по-прежнему хотела быть спасительницей. Несмотря ни на какие доводы рассудка.

Я пошла дальше – с маминой комнаты раздавалась тихая, полная тоски, колыбельная и жалобный плач Стасика. Сердце мое болезненно сжалось, отчего к глазам подступили горькие слезы. Вот они – невинные жертвы палача. Палачу все равно, его все устраивает. И лишь его жертвы плачут от боли, стонут от ран, нанесенных им. Я знала, что во мне, жившей в такой обстановке с самого детства, тоже есть жертва. У всех в нашей семье были свои роли. Но я каждый раз боролась с тем, чтобы не быть этой жертвой. Я вытаскивала себя, мотивировала, обещала себе светлое будущее. Но, как трудно же, порой, это было делать! Когда ты одна, когда страшно, непонятно. И сейчас я снова была одна.

Но была ли?

Я опустилась на кровать, зашептав молитву. Мои слова были просты и незаученны, но лились из самой души...

Эта ночь была одной из самых беспокойных. Она сопровождалась разными звуками – плачем Стаса, маминым шепотом, полным отчаяния и увещевания, и голосом Маши – равнодушно-высокомерным, почти вызывающе громким. Соседи, не выдержав, даже несколько раз стучали по стенам и батареям, требуя тишины. Шум стоял со всех сторон. Уже под утро, около 6 часов, я проснулась от плача мамы и моей старшей сестры. Не выдержав, я тихо, чтобы

не напугать никого, пошла на этот звук. Они сидели на кухне, спиной ко мне, плечом к плечу. Помирились. Я не стала нарушать их уединение. Я это уже видела десятки раз. Ничего не менялось. Замкнутый круг оставался замкнутым.

Посетив ванную, и, вернувшись в комнату, я снова легла на кровать, делая вид, что сплю. Я не хотела сейчас говорить – ни с мамой, ни уж тем более, с сестрой. В итоге, я на самом деле вновь заснула – видимо, стрессовые ситуации окончательно нарушили мой режим дня. Мой довольно крепкий сон был прерван звонком на мобильник. Я не сразу сообразила сквозь пелену сна, что такое красивое звучит. Затем, пробудившись, меня озарило – мой сотовый просто разрывает от настойчивого звонка. Еще даже не посмотрев на дисплей, я была абсолютно уверена – звонит мой муж. И я не ошиблась.

– Алло? – прохрипела я, сжимая слабыми пальцами телефон. Он едва не выпал из них, и мне пришлось сжать его чуть сильнее.

– Открывай, а то я уже собирался выбивать дверь, – раздался властный голос Тимура.

Я резко вскочила с кровати. Словно сумасшедшая, я распахнула дверь из комнаты, и побежала к входной двери, совершенно не заботясь в этот момент, как я выгляжу. В голове и груди стучало лишь одно: Тимур здесь. Обнять, поцеловать, прижаться – вот какими были мои планы в ближайшие секунды!

Мои руки, как и прежде, тряслись, пока я пыталась справиться с дверным замком. Эти секунды показались мне часами — так жаждала я встречи с Тимуром, словно мы расставались не на сутки, а на годы. Наконец, щелкнул замок, и сильные руки потянули дверь на себя. Через миг моим глазам предстал муж — такой воинственный с этой густой щетиной и сверкающими дерзостью глазами, такой любимый — с этой улыбкой на полных губах, в окружении своих братьев — Рустема и Ильнура. Все трое шагнули внутрь квартиры, и стоило только двери закрыться за ними, как я, невзирая ни на какие правила приличия, условности и присущую мне скромность, бросилась на Тимура — обхватывая его сильную шею своими слабыми руками, прижимаясь к его крепкому, напряженному телу. Не давая мужу опомниться, я припала губами к его теплым, таким желанным губам, в поцелуе. Мне было абсолютно все равно, что, возможно, дома еще могла быть моя сестра, для меня не имело значения, что братья Тимура стали проявлением моей любви к нему. Я хотела, чтобы мой муж получил это от меня — это сильное, всепобеждающее чувство. Он ответил на мой поцелуй — но почти целомудренно, хотя слово «целомудрие» никак не вязалось с ним.

— Камила... — протянул Тимур, чуть отстраняясь от меня, чтобы окинуть мое взволнованное лицо своим фирменным, пронзительным взглядом. Моя кожа тут же покрылась мурашками от такого пристального внимания. Глаза Тимура

чуть сощурились.

– Мы уезжаем прямо сейчас, – произнес муж, снимая с крючка мою весеннюю куртку. Я качнула головой и, с нежеланием убрав руки с шеи Тимура, побежала в свою комнату. Проносясь мимо зеркала, я, задержавшись у него, ужаснулась, глядя на свое отражение: выглядела я неважно – осунувшееся лицо, темные тени под глазами, бледная, даже губы потеряли свой естественный розовый оттенок и стали какими-то блеклыми. Волосы наполовину выбились из хвоста. Ну а одежда – помятая, растянутая (это была моя древняя домашняя одежда, единственная, которую я сумела найти в не менее древнем шкафу). В общем, я сто процентов не выглядела, как прекрасная принцесса, ожидающая своего принца. И такой «красоткой» я предстала перед мужем и его братьями!

Я начала торопливо одеваться. Всего 2 минуты – и я была готова. Подхватив покупки из аптеки, сумочку и телефон, я поспешила к ожидающему меня мужу. Три пары глаз уставились на меня, и теперь-то я ощутила запоздавшее смущение, связанное с недавним проявлением любви, ну, добавьте еще и мой вид – хоть я и переоделась, мое изможденное лицо и неубранные волосы были со мной. Эх...

Тимур помог одеть мне куртку – и этот жест заботы был так особо нужен мне. Чтобы знать, что я по-прежнему любима мужем. Один простой жест, говоривший о многом.

– Спасибо, – выдохнула я, не сводя глаз с любимого лица.

Каре-зеленые глаза как-то странно блеснули.

– Пора.

Мы покинули квартиру и довольно быстрым шагом спустились вниз. Первыми вышли Ильнур с Рустемом, и только потом – мы. Приятный, свежий ветерок прошелся по моему лицу. Я шумно вздохнула, наслаждаясь им. Муж взял меня за плечо – крепко так, чтобы я не смела куда-то уйти (как будто я собиралась это делать), и повел в сторону автомобилей. Братья разделились – один пошел вперед, другой – за нами.

Во дворе стояли три машины – бмв Тимура, ниссан братьев и еще какая-то иномарка, название которой я не успела прочитать. Мы шли так стремительно, что я ощутила тревогу – неужели мой дом действительно пасут? Неужели все так плохо? Глупая, наивная, мне давно было пора понять и принять это.

Стоило нам сесть в бмв, как все три машины, взревев, дернулись с места. Колеса авто, мчась по весенним лужам, разбрызгивали грязную воду во все стороны. Вывернув на главную дорогу, наш кортеж начал дерзко перемещаться, маневрируя между другими машинами. Скорость была приличная, и все это стало напоминать мне какие-то безумные, городские гонки. Внезапно, наша бешеная скорость удвоилась – машины то ускорялись, то тормозили и заворачивали во двory. Хорошо, что Тимур сразу пристегнул меня, как только я села на свое место, иначе я бы уже сотни раз ударилась го-

ловой о дверь. Я начала догадываться что происходит, когда в очередной раз увидела при повороте преследовавший нас фольксваген.

Пока мы ехали, Тимур не переставал разговаривать по громкой связи со своими братьями, и из их беседы я поняла, что преследующие нас – сотрудники милиции, которые хотели отследить наше передвижение. Мы еще какое-то время ехали закоулками и дворами, когда последняя машина из нашего сопровождения резко встала поперек узкой дороги, закрывая проезд фольксвагену. Тот едва не врезался в нее, и, завизжав колесами, остановился в метре от автомобиля. Мы же – на двух машинах – бмв и ниссане, выписывая причудливые змейки и зигзаги, выехали, наконец, за пределы города.

Я покосилась на мужа – его лицо, словно высеченное из скалы, было безупречно спокойным. Это то, что я так обожала в Тимуре – достаточно было и того, что в нашей паре волнительным элементом была я. Но возле него я пропитывалась его спокойствием. Несмотря ни на что, лишь с ним, даже сейчас, мчась по трассе, я ощущала себя в безопасности. Прошло немного времени, как бмв затормозил возле трех черных внедорожников. Что это могло значить?

– Джаным, сумочку не забудь, – будничным тоном, словно мы шли на светское мероприятие, произнес Тимур, выходя из машины. Через секунды дверь рядом со мной распахнулась, и я выбралась из бмв. Я поежилась – ветер на трассе

был сильнее, чем в городе. Тимур, сохраняя молчание, потянул меня к одному из черных автомобилей. Я торопливо пошла рядом с мужем, с напряжением глядя вдаль. Из крузаков уже вышли несколько мужчин, лица их показались мне знакомыми — я видела их тогда, мартовским днем возле храма. Они двинулись нам на встречу — такие воинственные, хмурые.

— Делаем, как условились, — бросил им Тимур, открывая дверь для меня в ленд крузер. Я неумело забралась внутрь, озаряясь по сторонам — машина была просторная, непривычно высокая для меня, какая-то еще чужая. Я посмотрела в боковое зеркало: мужчины, что прежде были на крузаках, рассаживались в бмв и ниссан. Братья же разместились, как и мы, в других внедорожниках. Хлопнула дверь — мой муж уселся на свое сиденье и завел автомобиль. Сильные, смуглые руки легли на руль.

— Мы поменяли машины, чтобы нас не нашли? — поинтересовалась я, не в силах отвести взгляд от рук Тимура — я соскучилась по ним, и хотела, чтобы они прикасались ко мне, гладили, ласкали и сжимали так, чтобы я ощущала их силу. Муж улыбнулся — и его улыбка — обаятельная, самоуверенная, сладко прожгла мое любящее, нежное сердце.

— У меня очень умная жена, — раздался бархатный голос, от которого моя кожа покрылась мурашками. — Все верно, моя Камила.

Я расплылась в счастливой, такой влюбленной, улыбке.

«Моя Камила». Как он это сказал – чувственно, проникновенно, так, что слова забрались под мою кожу. Ах!... Машина тут же стала комфортной для меня, а поездка – приятным приключением. Любовь творила чудеса со мной. И вряд ли я была единственной в этом мире, кто познал ее волшебство на себе.

Внедорожник ехал и ехал, и я начала догадываться, что мы направляемся куда-то в другое место, а не домой. Я не была удивлена, лишь заинтересована – куда именно?

– Тимур, а куда на этот раз ты везешь меня? – игриво, глядя на мужа, спросила я.

– На отдых, Камила, на отдых. Побудем вдалеке от цивилизации, свежим воздухом подышим, оттянемся, – Тимур бросил на меня смеющийся взгляд.

– Оттянуться вряд ли получится, – веско заметила я, – я не совсем здорова.

Мой муж вскинул темные брови, усмешка поползла по его лицу, когда он обратился ко мне:

– Чтобы оттянуться, не обязательно заниматься сексом.

– Сексом? – повторила я, чуть нахмурившись.

– Привычка, джаным, не бери в голову. Не обязательно заниматься любовью, чтобы оттянуться. Простые объятия, думаю, устроят и тебя, и меня, не так ли?

Я смущенно улыбнулась.

– Твои объятия – это то, о чем я мечтала все эти часы, – бесхитростно призналась я.

– Скоро наши мечты осуществляться, – пообещал Тимур, одаривая меня любящей улыбкой. Любящей. Мое сердце сладко – сладко застучало, разгоняя по телу приток нежной радости. Я любима. Я с Тимуром – остальное не имело сейчас никакого значения.

Машины свернули на узкую дорогу, с двух сторон к которой подступал величественный, густой лес. Ветви деревьев царапали окна, крышу и двери авто, подобно живым существам. Я еще никогда не путешествовала так, поэтому, прикинув к окну, с интересом разглядывала то, что успевала увидеть – темные стволы деревьев, частично покрытые зеленым мхом, землю – на которой уже взошла первая трава – изумрудная, сочная.

Наконец, машины свернули направо и, миновав поле с грунтовой дорогой, снова заехали в лес, углубляясь все дальше и дальше. Мы ехали до тех пор, пока нашим глазам не предстала поляна – она была обнесена забором, и я, присмотревшись, увидела за ним домик, из трубы которого серой змейкой шел дым. Это было первое, что я заметила, затем, шум отвлек меня, и я увидела десятки мужчин в камуфлированной одежде (и как я сразу не обратила на них внимание?!). Несколько человек рубили дрова, другие черпали воду из колодца и таскали его за забор. Делали они все это уверенно, методично – было видно, что мужчины занимаются этим не первый раз. Я поймала себя на мысли, что они выглядят, как военные. И стоило мне только посмотреть на Ти-

мура, как я поняла – мои догадки оказались верными.

– Тимур, куда ты меня привез? – сорвалось с моих губ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

– На отдых, сладкая моя, – Тимур самоуверенно улыбнулся и, не давая что-либо сказать в ответ, вышел из машины. Обойдя ее, он галантно открыл для меня дверь. Я чуть замешкалась, уж слишком много было мужчин вокруг (которые, хоть и были заняты делом, давно заметили нас и украдкой разглядывали), затем, поймав вопрошающий взгляд мужа, все же выбралась наружу. Моя голова тут же закружилась от кристально чистого, пьянящего лесного воздуха. Я пошатнулась (здравствуй, слабачка), и Тимур покровительственно обнял меня за плечи.

– Никого и ничего не бойся, – ласково шепнул мне муж на ухо, затем, посмотрев вперед, властным, громким голосом произнес:

– Приветствую! А где генерал?

Мужчины, перестав работать, как-то все приосанились, услышав Тимура. Их лица с интересом и неким почтением смотрели на него.

– Да здесь я, – крепкий, невысокий мужчина в камуфлированной форме, воткнув топор в полено, направился в нашу сторону. – Работаем!

Если это генерал, значит мужчины вокруг – его солдаты. Точно солдаты, потому что они тут же, услышав его приказ, принялись выполнять свою работу, уже не смотря на нас. Ге-

нерал подошел к нам, окидывая меня дружелюбным, а Тимура – полным уважения, взглядом.

– Саям, Юнир Хакимович, – произнес муж, убирая с моих плеч руку и пожимая ладонь мужчине. Теперь я могла его хорошенько разглядеть – у генерала были темные, с небольшой проседью, волосы и черные, блестящие глаза. Он был уже в годах – ему было около 60, но Юнир Хакимович выглядел энергичным и полным сил.

– Саям, Тимур Исмаилович, – генерал самодовольно улыбнулся, крепко сжимая смуглую руку мужа. Юнир Хакимович перевел взгляд на меня.

– Моя жена, Камила, – собственническим тоном сообщил Тимур, и для пущей убедительности снова обнял меня, только за талию. Да, Тимур, обнимай меня, пожалуйста, крепче, потому что мне так не по себе!!! Юнир Хакимович широко, искренне улыбнулся:

– Ну, Тимур, ты как человек успешный – везде успел. Примите мои поздравления, и давайте идите с ребятами в дом что ли. Самовар ждет. Пирог, кстати, тоже.

– Спасибо, – Тимур улыбнулся в ответ – самодовольно так, затем, обернувшись, махнул рукой, приглашая братьев присоединиться к нам. Те не заставили себя ждать – каждый из них поздоровался с генералом, затем, мы все вместе, направились к дому.

Зайдя за забор, я увидела красивый, бревенчатый дом – он был одноэтажный, с покатой крышей голубого цвета, с окна-

ми – вокруг которых были расписные изразцы. Крыльцо заслуживало особого внимания – три широких ступеньки были с нарисованными на них маками. В общем, этот чудо-домик напомнил мне какое-то волшебное жилище из сказки. Он никак не вязался с суровыми мужчинами, что были вокруг. Такой контраст. Интересно, что там было, за аркообразной дверью?

Только мы шагнули внутрь, как мой нос защекотало от аромата выпечки, царившей там. Мой желудок тут же отозвался, громко и выразительно заурчав. Я покраснела, а Тимур лишь крепче сжал меня.

– Сейчас покормим тебя, – шепнул он мне, обдавая мое ухо щекочущим, ласковым дыханием.

Пока я разувалась и снимала куртку, то с любопытством оглядывала пространство вокруг – мы находились еще в коридоре, но уже и он был полон уюта – массивный шкаф из дуба, зеркало – под старину, заключенное в деревянную, покрытую лаком, оправу. Рядом – два кресла, с наброшенными на них цветастыми, шерстяными одеялами. На чистом полу – дорожка с замысловатым цветочным орнаментом. Братья, беседуя о чем-то веселом, громко смеялись. Я была особенно рада слышать их смех.

Тимур взял меня за руку, увлекая дальше – мы шли, а я удивлялась, каким просторным, светлым оказался дом – так много солнца, так просто, но со вкусом – деревянная мебель: стулья, кресла-качалки, широкий стол, покрытый скатертью,

с витиеватой вышивкой на ней... Мы миновали зал и оказались в правом крыле дома, более уединенном – сюда братья не пошли, а остались в комнате, возле камина. Тимур толкнул дверь со словами:

– Наша спальня.

Я оглянулась, вопрошающе глядя на мужа.

– А ванная здесь есть? – обеспокоенно поинтересовалась я. Я понимала, что в таких условиях, вероятно, все удобства – на улице, и одна мысль об этом вызывала напряжение в животе.

– Дальше, – Тимур, вновь взяв меня за руку, повел направо – через дверь мы оказались возле ванной комнаты, совмещенной с туалетом. Вдох облегчения сорвался с моих губ, когда я увидела это. Тимур, усмехаясь, покачал головой. Я смущенно улыбнулась – какой, наверное, я маленькой выглядела в его глазах!

Я прошмыгнула мимо него, спешно запирая за собой дверь. Здесь было так чисто, аккуратно и красиво – все выдержано в мятно-шоколадных тонах – стены, пол, шкафчик. Даже полотенца были этих цветов. После вчерашней вонючей ванной комнаты в квартире, эта показалась мне сейчас воплощением роскоши. Я включила воду и приняла душ, не забыв вымыть волосы. Мне сразу стало легче, словно с водой ушли переживания. Так-то лучше! Свежая, чистая, я вновь надела свои вещи, не забыв при этом воспользоваться тампонами, которые стали настоящим спасением для ме-

ня в эти дни. Наконец, я открыла дверь. Тимура в коридоре не было, и я направилась в спальную комнату, дверь в которую была приоткрыта.

Стоило мне только подойти к ней, как моим глазам предстала очередная, восхищающая меня картина – мой муж отжимался, чередуя отжимания то на кулаках, то на пальцах. Его сильная спина с проступающими на ней мышцами выглядела чертовски сексуально. Впрочем, как и руки – крепкие, умелые, желанные.

– Привет, – сдавленным от возбуждения и волнения, голосом, произнесла я.

Тимур полуобернулся, затем, еще пару раз отжался – я так думаю, исключительно для меня, и после, поднялся на ноги. Я нерешительно застыла на месте, скользя заинтересованным взглядом по обнаженному торсу мужа, плоскому животу, по темным волосам, дорожкой спускавшимся под джинсы. Я ощутила жар в груди. Тимур, конечно же, заметил – КАК я на него смотрю. Самодовольная, такая мужская и от того, шикарная, улыбка, изогнула его полные губы.

– Располагайся, Камила, – Тимур подошел ко мне, прикрывая за мной дверь. Мой муж стоял позади меня, и я почувствовала тепло, исходящее от его тела. Волна дрожи прошла по мне. Я так соскучилась по нему! Я желала его. От этих мыслей мне стало неловко. Я неуверенно шагнула вперед, окидывая спальную комнату взглядом – светлая кровать, застеленная белым покрывалом, небольшой шкаф, ко-

фейный столик, широкое кресло, возле окна с золотистыми шторами. На полу – толстый ковер цвета корицы. Ничего лишнего – все подобрано со вкусом.

Тимур внезапно подошел ко мне, обнимая сзади. Его правая рука обхватила мои плечи, левая – легла на бедро, поглаживая. Теплые губы поцеловали меня в шею, и стон вырвался из моей груди – это была одна из тех ласк, что пробуждала во мне особую чувственность. Муж медленно стянул с моей головы мокрое полотенце, и влажные волосы рассыпались по моим плечам.

– В шкафу есть фен, воспользуйся им, и мы пойдем обедать, – произнес Тимур, разжимая объятия. Я едва не захныкала, когда он убрал свои руки – так мне хотелось быть близко – близко к нему. Я даже готова был отказаться сейчас от еды, хоть и была голодна, лишь бы побыть наедине, в объятиях друг друга. Вместо этого я занялась своими волосами. Я украдкой посмотрела на Тимура: он как раз надевал футболку, стоя спиной ко мне. Вот, сейчас снова выйдем на люди – и не пообниматься, ни поговорить. Я выключила фен и обратилась к мужу мягким голосом:

– Тимур...

Он обернулся, вопрошающе глядя на меня.

– Ты закончила? Пошли тогда.

Вместо ответа я поднялась на ноги и подошла вплотную к Тимуру. Преодолевая робость, я прижалась к нему столь плотно, что с уст мужа вырвался сдавленный вздох. Я пони-

мающе улыбнулась.

– Не хочу идти, Тимур, хочу с тобой побыть здесь, хоть часочек. Ты обещал мне объятия, – удивительно чувственно (надо же, могу, оказывается) сказала я.

Муж окинул меня задумчивым взглядом. Затем, его губы изогнулись в мягкой улыбке.

– Думаю, нас, как молодожен, поймут, если мы опоздаем немного, – промолвил Тимур, увлекая меня к кровати. Он рывком сорвал с нее покрывало. Затем, стянул с себя футболку и джинсы, оставшись лишь в боксерах. Я замерла, не зная, что делать. Я вроде говорила мужу, что все еще нездорова. Что он хотел? Я начала заметно нервничать.

– Разденься до нижнего белья и ложись, скомандовал Тимур, подходя к закрытой двери и запирая ее на замок. Я топорливо разделась и нырнула под белоснежное одеяло. Я натянула его до самого носа – оно вкусно пахло лавандой, с волнением наблюдая за приближающимся мужем. Надеюсь, он не заставит меня... Я не стала заканчивать эту мысль, потому что Тимур опустился рядом со мной. Его смуглая рука, так контрастировавшая с белоснежным одеялом, медленно освободила мое тело от него. Муж окинул меня самодовольным, собственническим взглядом, от которого по моей коже побежали мурашки, а в груди все заклокотало от волнения и возбуждения.

– Ты выглядишь соблазнительно, – нарушая тишину, сообщил Тимур. Его ладонь мягко прошла по моему животу,

останавливаясь у кромки трусиков (самых простых, хлопковых, что тут соблазнительного?). Я задрожала, и муж ода-рил меня теплой улыбкой. А затем, его руки подтянули меня к нему, прижимая сильно, надежно, властно – все как я мечтала эти часы.

– Когда ты будешь здорова, мы обязательно продолжим наши занятия любовью, – прошептал Тимур мне на ухо, – а пока – обними меня тоже, я соскучился по тебе, джаным.

Я затрепетала от его признания, и, обняв Тимура за шею, прижалась к нему со всей силы, ощущая, как моя душа, пытаясь выбраться через грудь, отчаянно стремилась к его душе, желая соединиться в единое целое. Я положила голову на грудь мужа, с наслаждением слушая, как бьется его сердце. Боже мой, как я мечтала об этом! Как нуждалась! И это оказалось взаимным. Теперь, когда нам никто не мешал, я захотела поговорить с мужем.

– Тимур, – начала я, медленно ведя подушечкой указательного пальца по твердому плечу мужа, – нам нужно поговорить.

– Хм? – он окинул меня теплой, такой расслабленной улыбкой.

– Есть вещи, которые меня тревожат, – пояснила я.

– Расскажи мне об этом, – тихо, но ощутимо властно, произнес Тимур. Его глаза чуть потемнели, но я не стала обращать внимания на это.

– Вчера к маме домой приходил ее бывший ученик, –

взволнованно начала я, поглядывая то на мужа, то на стену.

– Что-то случилось? – вмиг напрягшись, спросил муж.

– Нет, но он – тот самый из отдела, Антипов Андрей Сергеевич.

– Знакомое имя, вчера у нас с ним была небольшая беседа, – холодным голосом сообщил Тимур, – он допрашивал тебя что ли?

Каре-зеленые глаза воинственно сверкнули.

– Нет, в том то и дело, он сказал, что и маме ничего не скажет, потому что она всегда была добра к нему, и он хочет быть добрым к ней... – я умолкла, не зная, стоит ли заканчивать фразу.

– Договаривай, Камила, – Тимур мягко погладил меня по распущенным волосам.

Я шумно вздохнула:

– И добрым к ее красивой дочери. Вот. Он назвал меня красивой, и я что-то почувствовала от него, не знаю.

Тимур коснулся теплыми губами моего носа.

– Ты ведь и, правда, красивая, джаным, так что я понимаю его. Я рад, что ты поделилась со мной. Моя честная девочка.

Я облегченно вздохнула, словно с моей груди упал камень. Затем, еще одно воспоминание напомнило о себе.

– Есть еще кое-что, – прошептала я.

– Слушаю, – Тимур обнял меня за плечи, успокаивая волнение в моем теле.

– Твой друг – Сергей, тогда, в клубе, предлагал мне друж-

бу с ним. Я сказала, что у меня уже есть друг, это ты, – сообщила я, с опаской поглядывая на Тимура. Он хищно улыбнулся так. Его взгляд, на секунду, потяжелел, затем, снова стал спокойным.

– Ах, Серега, все никак не клеится у него с девушками. Какой был, такой и остался. Не обращай внимания, Камила, это такой человек. Все знают, что ты – моя.

Я качнула головой, ощущая в груди противоречивые чувства – с одной стороны я была рада, что Тимур так ровно воспринял эту новость, с другой – я недоумевала, почему родного брата он избил за киндер, принесенный мне, а вот друга за такое двусмысленное предложение, не счел нужным наказать. Что творилось в голове Тимура? Я не могла знать.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Что такое нежность? Лежать вот так – в объятиях любимого, любящего мужчины, и ощущать, как его сильные руки нежно поглаживают тебя по спине – мягко, ласково. Он гладит тебе всего лишь спину, а ты чувствуешь, что касается твоей души. Удивительно, проникновенно, волшебно. Мы лежали вот так – молча, наслаждаясь уединением и близостью, около получаса. Нежность окутала меня, расслабила и опьянила. Я ощущала себя такой любимой, такой защищенной. Невероятные чувства после всех этих испытаний.

Я провела ладонью по смуглой, мускулистой руке мужа – тут же ощущая, как он откликнулся на мою еще неумелую ласку. Тимур чуть улыбнулся и коснулся теплыми губами моей щеки.

– Тимур, – начала я, когда в моей груди всколыхнулись новые переживания, которые вчера я настойчиво прятала подальше, – там, в отделение... Тебя били? Я не увидела синяков, но наслышана, что можно бить так, что их и не будет.

– Джаным, – протянул Тимур, приподнимаясь на локте и заглядывая в мои глаза своим задумчивым взглядом. – Ты что, боялась, что меня будут бить?

К горлу подступил ком, а из моих глаз брызнули горячие слезы. Я спешно спрятала лицо в ладони, а муж мягко, но настойчиво, убрал мою руку от лица. Жесткая ладонь нежно

легла на мою округлую щеку, затем раздался голос Тимура:

– Эй, джаным.

Я подняла на него заплаканные глаза, шепча:

– Я не хочу, чтобы тебе кто-либо делал больно.

Взгляд мужа потяжелел, стал таким проникновенно-пронзительным. Я же, загипнотизированная, не в силах была отвести глаз от него. Манящий, властный, утягивающий – таким был Тимур сейчас. А я... Маленькая птичка, очарованная хищником – вот кем в эти секунды я ощущала себя. Только я знала – этот хищник не съест, не навредит, а защитит.

– Хотя на моей коже редко видны синяки, я уверяю тебя – никто из них не посмел это сделать. Они слишком хорошо понимают, с кем имеют дело, – спокойным тоном объяснил мне Тимур.

– Я очень напугалась, – прошептала я ему в шею.

– Я знаю, – муж стиснул меня в объятиях, на миг, столь сильно, что мне показалось, что еще чуть-чуть, и он просто раздавит мои ребра. Мой желудок протестующее заурчал, громко так, отчего я залилась румянцем, а вот Тимур глухо рассмеялся.

– Пора бы поесть, – сообщил он, разжимая свои объятия и поднимаясь с кровати.

Я, конечно, залюбовалась им – его широкой спиной с выступающей на ней мышцами, сильными ногами, и тем, как Тимур двигается – грациозно, уверенно. Он натянул на себя

джинсы, затем, полуобернувшись, окинул меня вопрошающим взглядом.

– Тебе помочь с одеждой? – с усмешкой на губах, поинтересовался муж.

Я покачала головой и медленно слезла с кровати. Быстро одевшись, я подошла к Тимуру. Он прошелся задумчивым взглядом по мне, затем, аккуратно поправил ворот моей кофточки и убрал выбившуюся прядь волос с лица.

– Готова? – спросил муж. Я шумно вздохнула. Тимур приобнял меня за плечи, и шептал мне на ухо:

– Да расслабься, милая. Здесь все свои. Все будет мирно-спокойно.

– Хорошо, – я улыбнулась мужу, как и прежде, доверяя ему.

Мы вышли из спальни и направились напрямиком в зал – там был уже накрыт стол – на нем красовался самовар, красивые бокалы, сухофрукты – урюк, финики, изюм и чернослив, грецкие орехи, вазочки с вишневым вареньем и янтарного цвета, медом. Но особо аппетитно здесь выглядели золотистые беляши, разложенные по глубоким тарелкам. Мой рот тут же наполнился слюной, стоило мне только заметить этот шедевр татарской кухни.

– Ну, наконец-то теперь можем приступить к позднему обеду, – усмехнувшись, произнес Рустем, сидевший в кресле, у окна. Я даже, сперва, не заметила его. Он поднялся на ноги и зычно крикнул в коридор:

– Все, пошлите жрать.

Мои щеки обдало стыдливым румянцем, когда до меня дошло, что никто так и не поел из-за нашего отсутствия. Тимур заметил это и произнес, обращаясь ко мне:

– Нормально все, не умерли же. Садись, давай.

Я выбрала самое удобное для меня расположение – на самом краю широкой лавки. Тимур, конечно же, разместился рядом. Тут же комнату стали заполнять другие мужчины – Ильнур, Дамир, Наиль, Азамат (его я особо была рада видеть, который, как вы помните, еще совсем недавно перенес огнестрельное ранение), Айрат и генерал с двумя своими людьми. Все, громко разговаривая, шумно расселись за столом. Я, сама того не замечая, прижалась к левому плечу мужа. Мне было столь неловко, так непривычно, что хотелось просто уйти.

Юнир Хакимович сел напротив нас, его парни – по левую руку, а вот место, справа от него, оставалось свободным. Интересно, мы кого-то еще ждем? Ответ пришел сразу же – в зал зашла миниатюрная женщина, в годах. Я задержала на незнакомке взгляд – она была одета в длинное, синее платье, на голове – белоснежная косынка, прячущая волосы. У этой женщины было хоть и немолодое, но красивое лицо – с правильными чертами, темными глазами и самой доброй улыбкой среди всех присутствующих. В своих руках незнакомка несла круглый поднос, доверху заполненный горячими, с шедшими от них паром, беляшами.

Юнир Хакимович, удивляя меня, поднялся и забрал у женщины поднос со словами, пропитанными лаской и уважением:

– Ландыш, алтынным (татар. – золотко, золотце), садись, отдыхай.

Женщина бросила на генерала выразительный взгляд, а тот, на миг улыбнулся ей, влюбленной улыбкой – ну, совсем, как мальчишка. Ландыш села на свободное место, как раз напротив меня.

– Моя жена, Ландыш, – не без гордости, провозгласил Юнир Хакимович, усаживаясь рядом с женщиной. – А это жена Тимура, Камила.

Мы обменялись с женщиной теплыми улыбками и, наконец, принялись за обед. Признаться, я не ожидала, что у меня будет такой бешеный аппетит. То ли я была действительно очень голодная, то ли беляши оказались потрясающе вкусными – с этим воздушным тестом, пропитанным мясным соком, то ли у меня просто случился приступ обжорства на фоне переживаний – но я проглотила целых 5 штук – мой рекорд за все годы. Мужчины о чем —то беседовали: то громко, то чуть понизив голос, смешивая татарские и русские слова. Их разговор действительно был похож на дружеский. А я, поедая очередной пирог и отхлебывая сладкий чай, просто наслаждалась тем, что никто не обращает на меня внимание. Но это не могло длиться вечно. После эмоционального, не без юмора, рассказа Юнира Хакимовича о его первой

встрече с женой – во дворе ее дома, где потом его побили местные ребята, он обратился ко мне:

– Камила, а вы как познакомились с Тимуром?

Моя рука с беляшом застыла на полпути ко рту. Я медленно положила его на изысканную, фарфоровую тарелку, и, ощущая на себе внимательные взгляды, в том числе и моего мужа, сперва, глубоко втянула в себя воздух, а затем ответила:

– Мы тоже познакомились во дворе моего дома, только Тимура никто не бил.

Зал наполнился грубым мужским смехом.

– Да, самоубийц в твоём дворе не нашлось, – заржал Рустем.

– Почти, – подмигнув в своей привычной манере, добавил Ильнур, и я тут же вспомнила об Антоне. Наверное, это было ужасно, но я не испытывала сожалений о том, что его убили. Не у всех девочек есть такие защитники, как Тимур, а тот урод в скором будущем мог надругаться не над одной невинной душой.

– Смотрю на вас, и себя вспоминаю молодой, – мечтательно добавила Ландыш. Юнир Хакимович покосился на нее, говоря:

– А зачем вспоминать? Ты и так у меня еще молоденькая, алтынным.

Я залюбовалась ими – такие любящие, такие родные. Мне очень хотелось верить, что и мы, с Тимуром, будем так бе-

режно относиться друг к другу. Если, конечно, доживем до этих лет. Я тут же отогнала от себя эту мысль. Внезапно, у Тимура зазвонил сотовый.

– Да? – губы мужа растянулись в самоуверенной улыбке. – Все правильно. Сейчас встретят.

Тимур отключил телефон и произнес:

– К нам едет полковник.

Наиль с Дамиром, молча, встали из-за стола и направились встречать гостя. Через пять минут они вернулись вместе с высоким, худощавого телосложения, седовласым мужчиной, одетым в гражданскую одежду. Тимур вышел к нему на встречу, впрочем, как и Юнир Хакимович. Я, оставаясь на своем месте, с любопытством наблюдала за ними.

– Знакомьтесь, Данияр Ренатьевич – Юнир Хакимович.

Мужчины пожали руки друг другу.

– О, слышан, – с улыбкой произнес новоприбывший гость.

– Надеюсь, ничего хорошего, потому что не хотелось кого-нибудь разочаровать, – протянул генерал.

Помещение вновь наполнилось веселым смехом. Мужчины расселись по местам, а Тимур познакомил меня с Данияр Ренатьевичем – тот, с некой отцовской теплотой, окинул меня взглядом, затем понимающе улыбнулся. Тут же завязалась беседа, и теперь я была уже более внимательна к ней.

– Ну, Тимур Исмаилович, – начал генерал, блеснув темными глазами, – поведай нам, старичкам, о своих жизнен-

ных планах, чем мы можем быть друг другу полезными. Я так понимаю, люди все свои, иначе бы эта встреча состоялась в другом месте.

– Да все тоже, Юнир Хакимович, будем искать компромиссы в нашу общую пользу, и «уговаривать» несговорчивых общими усилиями. Тут на меня замахнулся кто-то, я подозреваю, что это друзья наших друзей. Надо бы остановить неразумных, пошукать по блатным – кто из них рамсы попутал. Не хотелось бы портить отношения с уважаемыми людьми. Да и нет у меня желания отвлекаться на них, – ровным голосом ответил Тимур.

Данияр Ренатьевич задумчиво улыбнулся, затем произнес:

– Заехали в наш регион гастролеры. Одного в лесу нашли, троих на помойке. А заезжало их пятеро с центра, видимо. Ребята натасканные, да ошиблись с заказом. Продешевили. Видать, ты, Тимур, кому-то круто дорогу перешел, раз на тебя центр закосился.

Тимур чуть усмехнулся, раздался его голос с ощутимыми нотками металла в нем:

– Они захотели мой бизнес отжать, думали, от меня избавятся – и все само подомнется. У меня есть информация, что с зоны откинулся очередной «апельсин». И хочет он тропинку себе протоптать, да на готовенькое посягает. Погоняло его – Цепя. Цепнов фамилия. Он твоему заму, Данияр Ренатьевич, маляву присылал. Видимо, скоро к тебе подка-

тивать будет. Или...

Тимур умолк, многозначительно глядя на полковника. Тот, кашлянув, произнес:

– И впрямь, что-то он в последнее время частенько отлучается по семейным делам. Служебную машину берет, говорит любовница беременная. Спасибо, Тимур, проверим, узнаем, куда ниточки тянутся.

Тимур перевел задумчивый взгляд на генерала.

– Услуга мне нужна от тебя, – начал муж, – можешь учения устроить на три дня буквально? Пару БТР и ребят из разведроты человек 10, лучших, естественно. Подставлять их не буду, поиграем в войнушку.

– Не обещаю, – протянул Юнир Хакимович, – у нас плановая на днях. Но, думаю, альтернативу придумаем.

– Ок, – Тимур улыбнулся.

– Ну, теперь, в баньку? Попаримся, я можжевельника раздобыл, – с энтузиазмом произнес генерал, поднимаясь на ноги.

Мужчины тут же повскакивали с мест и направились на выход. Тимур приобнял меня на прощание, шепнув:

– Устанешь – иди в спальню. Не скучай, приду – зацелую.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

– Ох уж эти мужчины, – тепло усмехнулась Ландыш, окидывая меня добрым взглядом. Ее изящные пальчики подвинули ко мне миниатюрную вазочку с сухофруктами.

– Кушай, витамины, – произнесла женщина, пробуя финик, – ммм, сладкий!

Я тоже попробовала финик – и удивилась, каким вкусным и питательным он мне показался. Не зря же его называют «хлебом пустыни». Проглотив его, я поняла, что окончательно наелась.

– Спасибо, все было очень вкусно, – улыбаясь, поблагодарила я Ландыш – темные, выразительные глаза той заблестели, было видно, что женщине приятны мои простые, но искренние слова. – Давайте, я помогу со стола убрать.

– Только если тебе не трудно, но я буду рада твоей помощи, – дипломатично ответила Ландыш, вставая из-за стола.

– Мне совсем несложно, а наоборот, приятно быть полезной, – я широко улыбнулась и тоже встала из-за стола, начиная складывать тарелки в освободившиеся подносы, Ландыш же занялась уборкой недоеденной еды, которой осталось немало. Удивительно, что даже столько мужчин не осилили съесть все. Еще больше было удивительно то, как в этой миниатюрной женщине нашлись силы, чтобы приготовить так много, и при этом еще и не выглядеть усталой или раз-

драженной. Настоящая хозяйюшка!

Я без труда обнаружила кухню – это была просторная и светлая комната, из добротного дубового массива, кремовые шторы занавешивали окно, за которым были слышны мужские голоса. Я, полная любопытства, чуть отодвинула их и увидела сидящих за столом, под навесом, солдат – они тоже, с небывалым аппетитом, поедали пироги. Я улыбнулась, радуясь, что никто не остался сегодня голодным, затем снова вернулась в зал, за грязной посудой. В итоге, я ходила туда-сюда раз 6, но это нисколько не утомило меня – я ощущала себя необычайно бодрой и уверенной в себе. Наконец, я не без удовольствия, принялась мыть грязные тарелки. Не то чтобы я была такой супер чистюлей, жизненная цель которой заключалась в том, чтобы все вокруг блестело, но именно сейчас мне захотелось помочь Ландыш, и хотя бы этим отблагодарить ее за шикарный обед.

Вода зажурчала, средство для мытья посуды окутало меня приятным, ароматом зеленого яблока, запахом, а руки начали умело и без труда, намыывать тарелки. Ландыш поставила рядом чашки, говоря:

– Спасибо, Камила.

Я обернулась, одаривая ее теплой улыбкой. Женщина улыбнулась в ответ, а затем сказала:

– Вы с Тимуром такая красивая пара, сердце радуется, – в глаза ее мечтательно заблестели, – мы с Юниром вот уже 40 лет вместе, а я до сих пор помню, да что помню, ощущаю

это влюбленное состояние. Желая, чтобы и вы свою любовь пронесли через года.

– Спасибо, – мои глаза защищало от добрых, таких искренних и нужных слов.

– Но твой Тимур точно не простой мужчина, впрочем, как и мой Юнир, – Ландыш задумчиво посмотрела в сторону окна, за которым по – прежнему раздавались мужские голоса, – ты слышала их разговор так же отчетливо, как и я?

– Да, – я качнула головой, и прядь волос упала мне на глаза, и я спешно убрала ее тыльной стороной ладони. Сколько таких разговоров слышала Ландыш, и сколько мне еще предстояло услышать?

– Мужчинам так нравятся играть в войну, – Ландыш, без осуждения, тихо вздохнула. – Только не все можно решить войной или силой. Они считают себя сильными, но и мы не слабее их. И когда твой мужчина приходит с боя – усталый, темный, безумный, лишь только ты в состоянии успокоить его и дать сил. Помни об этом, моя дорогая.

Я задержала взгляд на этой красивой и, без сомнения, мудрой женщине. В моей жизни, до сегодняшнего момента, еще не было ни одного достойного примера счастливой, супружеской и, самое главное, немолодой пары. Легко любить, когда ты влюблен, но каково это, как пронести любовь через всю жизнь? Прекрасная Ландыш (как шло ей это имя!) и Юнир Хакимович начали становиться для меня этим примером, который еще недавно в моем сознании был из ряда

книжных, но точно не жизненных романов. Женщина встрети-
лась со мной взглядом, и что-то, вроде понимания и со-
глашения в тот миг произошло между нами.

Я продолжила мыть посуду, а Ландыш – вытирать ее
и убирать в навесной шкафчик. Мои мысли были такими
спокойными, тихими, а я столь погрузилась в себя, что не за-
метила, как жена генерала, сложив всю посуду, тихонько
ушла с кухни, и я осталась одна. Что же, и мне пора бы-
ло вернуться в спальню. Я пошла в то крыло дома, что бы-
ло предоставлено нам, удивляясь, как непривычно тихо, без
мужчин, здесь было. Прежде чем зайти в спальную комнату,
я заглянула в ванную. Вернувшись в нашу комнату, я вспом-
нила, что все еще не сообщила маме, что уехала. Чувствуя
некое угрызение совести, я набрала маме, дозвонившись дл
нее только с 7 попытки (здесь ужасно ловила связь) – наш
разговор был недолгий, я сообщила ей, что все хорошо, и что
мы на отдыхе с мужем. Она, к счастью, спокойно восприняла
эту новость, чему я была особенно рада – мне не хотелось,
чтобы мама волновалась. Я тут же вспомнила скандал с Ма-
шей, ее пьяные выходки, а затем примирение с мамой. Воз-
можно, это звучало эгоистично, но я была счастлива, что пе-
реехала от мамы. Всю свою жизнь я была практически бес-
проблемным ребенком, и мне нередко не хватало материн-
ского тепла, однако же, я не стала выбивать, требовать его
такими ужасными выходками, как старшая сестра, которая
считала себя недолюбленной, обделенной – и все из-за мое-

го появления. Что же, раз я не могла ничего изменить, а замкнутый круг палач-жертва их двоих, видимо устраивал, я благодарила Господа за появления Тимура в своей жизни. Да, жизнь с ним была полна опасностей, но рядом с ним, я словно оживала, становилась собой, и, в конце концов, просто *жила*.

Жизнь с бандитом пугала меня не больше, чем собственная беспомощность в родительском доме. Я не хотела больше никогда в жизни слышать эти пьяные крики (неважно, отца или сестры), я не желала больше слышать вымученный голос мамы, а затем видеть снова этот жертвенный примирительный акт, который молчаливо говорил: «ты можешь причинять мне боль, разрывать мне душу и уничтожать мой мир, я все равно прощу тебя». Я не хотела ощущать себя беспомощной. Это был их выбор, но не мой.

Я выбирала другую жизнь – пусть и с риском, но разве не риск для твоей жизни быть, жить с человеком, который разрушает, подтачивает тебя день ото дня? Я отказывалась жить по сценарию семьи, в которой родилась, я отказывалась быть жертвой.

Я окончательно сделала свой выбор.

Это осознание пришлось по мне горячей волной. И, словно, какие – то невидимые оковы разрушались в моей груди. Мне стало так хорошо – легко, свободно, что я не нашла ничего другого, как выразить свое освобождение в музыке. Благо, мой великолепный телефон имел в памяти до-

статочно песен. В последние недели я особенно полюбила «скорпионс» (вы же понимаете почему – Тимур познакомил меня с их творчеством). Я надела наушники, включила знаменитую, до дрожи пробирающую рок-балладу, и начала их слушать. Уже на втором предложении я стала подпевать им, но этого мне оказалось недостаточно, и я, как и в дозамужние времена, принялась танцевать, при этом продолжая петь (не оглушительно, конечно, но все же).

Я так отдалась своим чувствам, так парила, что совсем не заметила, как оказалась в комнате не одна. Сильные, теплые руки легли мне на бедра, прижимая к мужскому, разгоряченному, после бани, телу. Я знала – это Тимур. Но я не стала оборачиваться, а продолжала тихонько петь и чувственно (по крайней мере, я ощущала, что мой танец был полон чувственности) танцевать. Мой муж сжал меня сильнее, и стал двигаться позади меня. Мое тело обдало обжигающей волной страсти – я никогда не думала, что от одного танца можно получить столько огня и наслаждения. И еще – я и не знала, что Тимур может так танцевать. Правду говорят: танец это вертикальное выражение горизонтального желания.

Когда обжигающие ладони моего мужа поползли вверх, я, не выдержав, повернулась к нему лицом. Меня тут же встретили его горящие, потемневшие от страсти, глаза. Его взор – такой одурманивающее – тяжелый, прошелся по моему лицу и остановился на губах. А затем, Тимур поцеловал меня

медленным, всепоглощающим поцелуем. Его горячий, влажный язык проник ко мне в рот, дразня меня. Я обняла мужа за крепкую шею и прижалась к его полуобнаженному, распаренному телу. Я ощутила, как он улыбнулся – его губы дрогнули, и я, чуть отстранившись, посмотрела на Тимура.

– Какая ты сладкая, – с легкой хрипотцой в голосе, произнес он. Моя кожа тут же покрылась мурашками от его слов, и от того, как Тимур это сказал.

– Хорошо попарился? – невинным голосом поинтересовалась я, понимая, что нам обоим нужно остыть.

– Продуктивно попарился, – отозвался Тимур, пройдясь теплыми губами по моей шее, – только, джаным, я бы и с тобой, вдвоем хотел бы попариться. Вот бы я попарил тебя...

Я обмякла в его руках. Сдавленно сглотнув, я отяжелевшим языком произнесла:

– Как-нибудь в другой раз.

– Я тоже себя этим успокаиваю, – муж провел носом по моей щеке, шумно, с наслаждением вздыхая, – такая сладкая.

– Это все от финика, – пошутила я, краснея с головы до ног. Тимур приглушенно рассмеялся и разжал свои объятия. Я тут же убрала телефон на столик и опустилась на край кровати. Муж проверил свой сотовый, затем перевел задумчивый взор на меня:

– Как чувствуешь себя, Камила? Живот болит?

Я немного разволновалась от заботы Тимура. Я только

училась привыкать к этому.

– Мне значительно лучше. Твои объятия творят чудеса.

Тимур медленно лег на кровать и раскрыл свои руки, для объятий:

– Тогда идем, продолжим лечение.

Меня не нужно было звать дважды. Я тут же разместились рядом, прижимаясь к мужу. Тимур снова начал гладить меня, только по голове, и я, не замечая этого, уснула самым прекрасным и спокойным сном.

Мы провели в лесном домике ночь, а затем, утром, отправились в путь. Я и Ландыш тепло попрощались друг с другом. Мне показалось, что я увезла частичку света от нее – так мне было мирно, ясно на душе. Бесценное, столь редкое состояние. Утро оказалось очень теплым и туманным – он густой дымкой окутал лес и подобрался к домику. Все кругом показалось мне сказочным миром. Наконец, мы разместились по машинам. В этот раз с нами в одном внедорожнике поехали братья – Ильнур и Рустем. С чем это было связано, я не стала интересоваться – я совсем не была против общества мужчин, спасших недавно жизнь мне и моему мужу.

Я такая вся расслабленная, почти сразу же, незаметно для себя, снова задремала. Мне снился чудесный, добрый сон, который, увы, оборвался, когда я услышала властный голос мужа:

– Джаным, в машине жди. Двери заблокирую на всякий

случай.

Послышался звук открывающихся – закрывающихся дверей. Я непонимающе уставилась вперед, моргая часто-часто, пока мой взгляд не сфокусировался. Но лучше бы я спала крепче и не просыпалась сейчас, потому что то, что я увидела, заставило меня вмиг напрячься...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Тимур в компании пятерых мужчин стремительным шагом подошел к стоящему возле кассы автозаправки человеку. Кроме них, на безлюдном пространстве автозаправочной станции, никого и не было. Незнакомец не успел обернуться, как ребята тут же, заломив ему руки, повели к стоявшему неподалеку милиционерскому уазику. Когда они проходили мимо, я смогла отчетливо разглядеть лицо мужчины – и без труда узнала его: это был тот самый служитель правопорядка в участке, который просматривал мой паспорт, дополняя свои действия неприятными комментариями.

Все произошло быстро: два взмаха ресницами, и УАЗ уже двинулся с места, выезжая с автозаправки. Пара вздохов – и Тимур с Ильнуром и Рустемом вернулись, размещаясь в машине. Автомобиль, угрожая зарычав, начал двигаться, следом, за нами, направился внедорожник с другими братьями.

Я покосилась на мужа – на его лице застыла странная улыбка, будто он был в предвкушении чего-то особенного. Чего-то мясного. Тимур заметил, что я смотрю на него, и произнес:

– Выспалась, Камила?

– Да, – прохрипела я, переводя взор в боковое окно – мы ехали по трассе, и снова с двух сторон был лес. Неужели мы

еще так далеко от города? Странно. Вроде бы прошло достаточно времени. Но это меня не особо волновало, а вот происшествие на заправке – да.

– Это хорошо, а то у нас на сегодня столько дел запланировано, – усмехнулся Тимур, а позади, послышался смех Ильнура и Рустема. Что так веселило их?

– А куда мы едем, домой? – невинным голосом поинтересовалась я.

– Еще нет, на лесную опушку заедем, пообщаемся с одной зверушкой, – блеснув потемневшими глазами, ответил Тимур. Я поежилась – этот взгляд не предвещал ничего хорошего. Не для меня, конечно, а для того милиционера. Я шумно вздохнула.

– Хотелось бы сегодня попасть домой и пораньше, – сказала я, пытаюсь понять, что происходит, и что мне ждать.

– Пораньше вряд ли, посмотрим, Камила, – муж, на миг, сжал мою похолодевшую ладошку. Я улыбнулась Тимуру, молчаливо благодаря его за проявление нежности. Но я знала, рука, что сжимала мою ладонь, была нежна исключительно ко мне. И я лишь догадывалась, что она и ее хозяин умели делать. Впрочем, мне не пришлось слишком долго думать об этом: вскоре, все машины, следуя за милицейским уазиком, свернули на узкую тропу, прямоком в плотные объятия леса. Снова лес, вновь ветви деревьев начали царапать машину, только в этот раз звук показался мне каким-то жутким.

Наконец, все три автомобиля остановились на лесной опушке – такой мистической: с едва пробившейся зеленой травой, поблескивающей, стоило только солнечным лучам, проскользнув между серыми облаками, осветить их. Туман по-прежнему окутывал часть пространства, основания стволов деревьев, но вот на саму полянку, будто боясь солнца, не заходил. Все окружавшее меня было подобно миру из древнеирландских сказок – загадочных, не всегда понятных. Сидевшие позади Ильнур и Рустем вышли из внедорожника, оставляя меня с мужем ненадолго наедине.

Я посмотрела на лицо мужа: оно было сосредоточенным, полные губы чуть поджаты, глаза – мрачно-спокойны. Тимур потянулся ко мне, обхватывая мое лицо своими шершавыми, обжигающими ладонями. Прожигая меня своим странным взглядом, он приказал:

– Жди, просто сиди и жди меня.

Смуглые пальцы включили музыку, затем прибавили ее на максимум. Душераздирающая песня обрушилась на меня, я не успела что-то сказать, как муж ушел, вновь блокируя двери. Я перевела взор вперед и увидела, как из уазика два брата поволокли милиционера в сторону деревьев, а следом за ними, двигаясь, словно голодный хищник, последовал Тимур. Остальные братья так же пошли за ними. Я нервно сглотнула, представляя, что сейчас там будет происходить. Теперь-то я поняла, почему Тимур включил столь громко музыку – чтобы я не слышала криков.

Осознание того, что в нескольких метрах от меня мой муж и его братья совершают не самые добрые дела, далось мне не слишком легко. Как же часто случается в жизни: только ты принимаешь решение, как тебя начинают испытывать – проверяя твой выбор, тебя на прочность. Мне было просто сидеть вот так в машине, мирно, спокойно, прекрасно зная, что в эти секунды происходит. Мне стало еще сложнее оставаться на месте, когда по непонятным причинам, музыка на несколько секунд умолкла, и до моих ушей донесся мужской стон, полный боли и страха.

Я тут же вся заледенела, ощущая подкравшийся ко мне тошнотворный ужас. Я изо всех сил вцепилась в кожаную обшивку сиденья, и, кажется, даже слегка поцарапала ее, чтобы только не закричать самой. Крик застрял у меня в горле, превращаясь в комок горечи. Держись, Камила, держись. Это мир сильных. Слабым здесь не место. Когда раздался очередной стон, я зажмурила глаза. К счастью, музыка снова заиграла, но она уже была не в силах заглушить то, что слышала моя душа.

Теперь секунды растянулись для меня в часы, а я сидела, теряясь в догадках, вернется ли тот милиционер живой, или же уже нет. Мое сердце то учащенно билось, то замирало, уставая от бешеной гонки. Я боролась со своим страхом. Как я посмотрю теперь на Тимура? Боже мой, неужели я столь слаба? Труслива? И, в конце концов, так быстро отказалась от своего выбора? Я стиснула челюсти. Довольно

жить в розовых очках, Камила! Если Тимур схватил этого человека, значит, тот заслужил этого!

И все же, я была рада видеть милиционера живым. Он вышел, прихрамывая на левую ногу. Его лицо не было в крови или синяках, но я догадалась – его били там, где не было видно. Трое братьев вместе с ним разместились в уазике. Остальные расселись по машинам. Хлопнули двери: Тимур с Рустемом и Ильнуром сели на свои места. Как ни в чем не бывало, муж завел внедорожник и затем, убавив музыку, обратился ко мне удивительно спокойным, довольным голосом:

– Как дела, родная? Утомилась?

Я, признаться, боялась посмотреть на лицо своего мужа, опасаясь увидеть там... звериный окал что ли. Преодолевая себя, я все же, окинула его взглядом – Тимур чуть улыбался, глядя на меня, он выглядел почти, как в обычные, мирные дни, за исключением глаз. Я понимала, это лишь отголоски, что было там, но и этого мне было достаточно: в эти секунды я успела заметить гаснущие, какие-то безумные, безжалостные искры в каре-зеленых глубинах.

– Немного, родной, – отозвалась я, мягко улыбаясь ему в ответ.

Родная. Родной. Сердце сладко сжалось от этих слов. Мы действительно являемся друг для друга родными. Эти слова наполнили салон автомобиля нежностью. Мне кажется, что даже братья ощутили это.

– Потерпи еще немного, джаным, – Тимур послал мне чарующую улыбку, – надо еще полковника навестить, у меня для него есть подарочек.

Я не стала уточнять, что за подарок был для Данияра Ренатьевича, но я догадывалась, что он напрямую связан со вчерашним разговором. Тимур поднес к уху сотовый. Раздался его холодный, с ощутимо металлическими нотками, голос:

– Приветствую. Да. Ждите, скоро будем.

Машины выехали на трассу, и на довольно приличной скорости, помчались дальше. Мы ехали около получаса. Милицейский уазик уже давно скрылся из виду, а наши внедорожники продолжали движение до тех пор, пока не подъехали к поселку, охраняемому одетыми в форму милиционерами. Здесь так же, как и у нас, имелся шлагбаум. Тимур, подъехав поближе, позвонил по сотовому, а затем передал мобильник охраняющим въезд мужчинам. Через секунды дорога была открыта для нас. Внедорожники, не медля, рванули вперед, благо, здесь не было так много лежачих полицейских, как в том месте, где мы жили.

Я устремила заинтересованный взгляд в боковое окно – по обе стороны широкой, асфальтированной дороги расположились аккуратные, преимущественно 1-этажные домики, окруженные кованым забором. Я даже успела заметить детскую игровую площадку, на которой резвились детишки под наблюдением бдительных мамочек. Последние, с тревогой,

посмотрели на наши машины. Мне стало неловко перед ними. Я догадывалась, как со стороны выглядят эти внедорожники – типичные бандитские крузак, ворвавшиеся на мирную территорию.

Наконец, машины, замедлив свой ход, остановились возле симпатичного, с виду, довольно простенького домика, который, впрочем, охранялся шестеркой сотрудников милиции. Те, такие хмурые, окинули автомобили сканирующими взглядами. Но это длилось всего несколько секунд – стоило только Тимуру приспустить окно, как мужчины, признав его, сменили свои выражения лиц на более дружелюбные.

Мы – я, Тимур, Рустем и Ильнур вышли из внедорожника, другие братья остались в машине. Не успели мы сделать пару шагов, как дверь дома распахнулась – и нас вышел встречать полковник. Его лицо – утомленное, напряженное, чуть просветлело, когда он увидел среди мужчин и меня. Я робко улыбнулась Данияр Ренатьевичу в ответ.

– Прошу, – пригласил он нас, и мы, все четверо, оказались внутри его жилища.

Светлые стены, покрашенный под дуб, чистый, ровный пол. Старый шкаф в углу, добротная мебель – не новая, простая, без каких-либо изысков или признаков роскоши. Много места и света. Мы прошли в небольшую комнатку, на всех стенах которой были размещены книги. Интересно, сколько их тут? Тысячи? Мне сразу же захотелось прикоснуться к ним, взять в руки, открыть, понюхать (запах книг это что-

то неповторимое!), и, наконец, начать читать.

– Это – библиотека полковника, подожди меня здесь, – обратился ко мне Тимур, пробуждая меня от мечтаний.

– Ты уходишь? – сорвалось с моих губ.

– Нет, – он улыбнулся, – я буду с полковником на кухне, покажу ему подарок. Часок буду занят.

– Хорошо, – я качнула головой, а что я еще могла сказать?

– Ок, Рустем, у двери будь, – приказал Тимур, уходя.

Рустем тут же разместился возле входа в библиотеку. Что ж, по крайней мере, я была не совсем одна. Я потянулась к первой книге, и ей оказалась книга с изречениями великих писателей. Я, заинтересованная, опустила на старенькую тахту, открывая первые, пожелтевшие от времени, страницы. Я листала их, читая то тут, то там, но одна фраза особо зацепилась за мою душу, она принадлежала Гюго: «высшее счастье – это уверенность в том, что вас любят, любят ради вас самих, вернее сказать – любят вопреки вам». Как это было похоже на наши отношения! Я, пораженная, отложила книгу, размышляя. Я даже забыла, что нахожусь здесь не одна. Мои мысли улетели куда-то далеко – высоко, но их полет не был долгим, потому что властный голос мужа оборвал этот полет и спустил меня с небес на землю:

– Камила, ты что, не слышишь? Поехали, мы торопимся.

Я едва не выронила книгу и в последний момент поймала ее. Поднявшись на ноги, я поставила ее на место и укоризненно посмотрела на мужа, который стоял рядом с Русте-

мом, о чем-то тихо говоря с ним. Столь тихо, что я, несмотря на свой прекрасный слух, ничего не услышала.

Тимур заметил, как я смотрю на него и дерзко улыбнулся мне. Совсем, как мальчишка. Я не смогла сдержаться, и мои губы изогнулись в улыбке. Спешно попрощавшись с полковником, который выглядел погруженным в себя, мы снова отправились в путь. На этот раз, наконец-то, прибыли домой, чему я была особенно рада. У меня было столько планов – поваляться на диване с Тимуром, просматривая какое-нибудь историческое кино, приготовить пиццу, поболтать... Но, как оказалось, это были только мои планы.

Стоило нам вдвоем зайти в нашу спальню, как Тимур начал переодеваться во все черное – брюки, водолазка. Затем, он нацепил на себя две кобуры – одну на плечи, другую на пояс – с пистолетами и ножами. Я, сидевшая на кровати, замерла, наблюдая за мужем. Он выглядел таким отрешенным, холодным, чужим.

– Тимур? – осмелилась я позвать его еще раз.

Муж повернул в мою сторону голову, его, сейчас темные глаза, блеснули странным светом.

– С тобой останутся Ильнур и Рустем, я буду поздно, – произнес Тимур. Я часто-часто заморгала, озадаченная его холодным тоном. Я чувствовала – грядет что-то страшное. Я подскочила на ноги и, в два шага оказавшись возле Тимура, невзирая на свой страх быть отвергнутой, обняла его крепко-крепко. Он чуть напрягся, затем, проведя правой ладо-

нюю по моей щеке, произнес:

– Джаным, жди меня.

Я, ощущая, как мои глаза защемило от слез, подалась вперед, целомудренно целуя мужа в губы. Тимур так же – целомудренно, ответил на мой поцелуй. А затем, не оборачиваясь, стремительным шагом ушел. Через минуты я услышала, как внедорожник выехал с нашей территории. В моей груди тут же образовалась щемящая пустота. Мне так хотелось плакать, но я, не желая быть размазней, слабачкой и всем тем, чем я так боялась быть, направилась прямиком на кухню, намереваясь приготовить пиццу. Даже если она у меня не получится (что было очевидно, при моем душевном состоянии), я, по крайней мере, буду занята.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.